

Сергей Митрохин
Галина Михалева

**Отставшая
цивилизация**
Как и почему Россия не стала
правовым государством

Москва • 2022

УДК 352/354: 327.821
ББК 321.013
Н80

Митрохин С.С., Михалева Г.М.
Н80 **Отставшая цивилизация. Как и почему Россия не стала
правовым государством. М.: Особая книга. 2022 — 104 с.**

ISBN 978-5-9797-0197-4

Почему Россия уклоняется от магистрального пути развития? Авторы отвечают на этот вопрос, опираясь на подходы к мировому развитию и происхождению капитализма, сформированные великим немецким социологом Максом Вебером. Исследуются базовые расхождения российской традиции с западной цивилизацией, становление базовых принципов правового государства на Западе и исторические причины противодействия этим принципам в России. Проводится эмпирический анализ данных, доказывающий, что Россия не состоялась как правовое государство.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей и политикой, ученых, преподавателей, студентов, аспирантов, журналистов.

УДК 352/354: 327.821
ББК 321.013

В соответствии с ФЗ от 21.12.2010 № 436-ФЗ

ISBN 978-5-9797-0197-4

© Митрохин С.С., 2022
© Михалева Г.М., 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....5

ОТСТАВШАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ.....7

ЧАСТЬ 1.

«Особый путь» России в свете концепции происхождения капитализма Макса Вебера.....9

1. Две концепции исторического развития:
Маркс и Вебер.....9
2. Почему Россия — не Запад?..... 15
3. Правда вместо права.
Российская правовая традиция
в стороне от «легальной рациональности» 17
4. Религия права: «юридическая» монархия на Западе..... 21
5. Религия власти и правовой нигилизм в России..... 25
6. Рождение капитализма из духа автономии30
7. Безавтономное общество как признак «восточности».....34
8. Нет автономии — нет буржуазии.....41

9. Россия: отсутствие рациональной традиции западного типа	43
10. «Столкновение цивилизаций»: модернизация и архаика.....	46
11. Роль традиционной религии в ответе на вызов модернизации	49
12. Русская ортодоксальность против западной рациональности	51
13. От превосходства к неполноценности: трансформация мессианского комплекса	57
14. Кластеры саморазвития и циклы самовоспроизводства.....	66

ЧАСТЬ II.

Россия — не правовое государство

1. Советские и российские принципы правового государства.....	74
2. Конституционная диктатура, президенциализм и делегативная демократия.....	79
3. Российское и международное право	82
4. Конституционная реформа и ее последствия	83
5. Законодательные ограничения прав и свобод человека	86
6. Зависимая судебная система.....	92

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Сравнение цивилизаций.....	101
Таблица 2. Преследования по Ст. 20.3.3. КоАП «Дискредитация вооруженных сил РФ».....	102

Предисловие

Желание России уклоняться от магистрального пути развития, сформированным под влиянием Запада, не уникально. Таких стран было много в прошлом, немало их и в настоящем. Удивительно упорство, с каким наша страна следует этой идее — фикс. За последние 100 лет она умудрилась поставить над собой два эксперимента. Первый начался в 1917 году и заключался в попытке навязать коммунистическую утопию народам рухнувшей Российской империи. Второй был инициирован властями в середине двухтысячных и состоял в том, чтобы навязать народам развалившегося СССР ультраконсервативную утопию, согласно которой благосостояние государства в XXI веке можно строить на возвращении к традициям многовековой давности, отвергая те тенденции мирового развития, которые на практике предъявили реальный вклад в рост благосостояния и социальный прогресс многих народов.

Продолжительность экспериментов была неравной. Первый продлился чуть более 70 лет, второй, по всей видимости, не переживет и четверти века. При этом факт остается фактом: в истории человечества нет другой страны, которая делала бы новую попытку сопротивления мировому прогрессу почти сразу вслед за предыдущей, причем на принципиально иной идейной основе.

В данной работе мы пытаемся дать объяснение причин столь яростного сопротивления, опираясь в целом на подходы к мировому развитию, сформированные великим немецким социологом Максом Вебером. Особенно ценные идеи содержатся в его произведениях, либо их отдельных фрагментах, посвященных происхождению капитализма. Использование в работе этого термина может повергнуть в недоумение или даже сбить с толку тех читателей, которые привыкли к его чрезвычайно узкой трактовке, в основном, в рамках догматического марксизма. В первой части работы мы показываем, что широкая трактовка капитализма, предлагаемая Вебером, гораздо более продуктивна, так как, в отличие от марксистской, подлежит переводу на язык современных концепций мирового развития (теорий модернизации, вестернизации и т. п.), берущих свои истоки в трудах Вебера.

В первой части работы мы исследуем базовые расхождения российской традиции с западной цивилизацией. Проводится сравнительный анализ становления базовых принципов правового государства на Западе и исторических причин противодействия этим принципам в России.

Для большей рельефности этих сопоставлений рассматриваются также некоторые особенности других цивилизаций, в основном исламской и китайской. Это позволяет также сделать ряд предположений о том, почему в России европейский путь развития отвергается более радикально, чем во многих других западных странах.

Вторая часть работы посвящена эмпирическому обоснованию тезиса первой части о том, что Россия не состоялась как правовое государство.

Эта книга — продолжение размышлений авторов, опубликованных ранее, таких как книги Сергея Митрохина «Либеральный прорыв и консервативный тупик» (2015) и «Модернизация и архаика» (2018) и работ Галины Михалевой «Политика и культура в российской провинции» (2000, в соавторстве) «Европа и Россия. Сближения и различия» (2007, на немецком языке), «Россия между имперскими мечтами и модернизацией» (2017, на английском языке), а также совместной монографии авторов «По колее особого пути: Цивилизационный процесс и модернизация в России» (2020) и других.

Сергей Митрохин, Галина Михалева

ОТСТАВШАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ЧАСТЬ 1

«Особый путь» России в свете концепции происхождения капитализма Макса Вебера

1. Две концепции исторического развития: Маркс и Вебер

Множество существующих теорий и концепций капитализма невозможно систематизировать, не возводя их к изначальным базовым идеям — «стволам», из которых они произрастают как «ветви». Мало, кто будет спорить с тем, что концепции Маркса и Вебера принадлежат к одним из немногих «стволов» такого рода. Любой исследователь капитализма должен сделать выбор и четко осознать, в какой парадигме — марксистской или веберовской — он формулирует само это понятие.

В данной работе мы осознанно опираемся на концепцию капитализма в широком смысле слова, разработанную Максом Вебером. Обоснование данного выбора будет предлагаться по мере обсуждения круга вопросов, обозначенного в заголовке.

Теория Макса Вебера о происхождении западного капитализма очевидным образом распадается две взаимосвязанные, но при этом относительно обособленные концепции. Наиболее известна, с одной стороны, и больше всего повергалась критике концепция формирования «духа капитализма» как продукта протестантской Реформации, в особенности таких ее течений как кальвинизм и пуританство. Для целей настоящего текста, однако, важнее обратить внимание на другую концепцию *уникальности Запада*, которая отслеживает корни капитализма в гораздо более масштабной исторической перспективе.

Речь идет, прежде всего, об ответе на вопрос: «какое сцепление обстоятельств привело к тому, что именно на Западе, и только здесь, возникли такие явления культуры, которые развивались ... в направлении, получившем универсальное значение»¹.

Общим знаменателем всех этих «явлений культуры» и вектором данного направления является понятие «рациональность». Научкам, развивавшимся в Азии не известен «рациональный эксперимент»; в учениях о государстве «нет ни систематики, подобной Аристотелевой, ни рациональных понятий вообще»². Нет здесь и «того, что позволило бы говорить о рациональной теории права, нет строго юридических схем и форм юридического мышления, присущих римскому и сложившемуся на его основе западному праву». Господство специфически западного типа рациональности Вебер прослеживает как в государственности, так и в различных видах искусств³.

Специфику «самого могучего фактора современной жизни — капитализма» Вебер также усматривает в западной рациональности, которая проявляется в нескольких взаимосвязанных феноменах и, прежде всего:

- рациональном расчете капитала, как нормы для всех крупных промышленных предприятий;
- рационально разработанном праве и управлении на основе твердых формальных правил. «Чтобы капиталистический порядок мог функционировать рационально, хозяйство должно опираться на твердые правовые нормы суда и управления»⁴, рациональная капиталистическая организация свободного (формально) труда⁵;
- свободерынка от нерациональных стеснений обмена, например, от сословных ограничений⁶;
- присвоении автономными частными промышленными предприятиями свободной собственности на вещные средства производства⁷.

1 Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Экономическая социология. 1905, с. 2.

2 Там же, с. 3

3 Там же, с. 4.

4 Вебер М. История хозяйства. Город М. 2001. с. 256.

5 Там же с. 255.

6 Там же, с. 256.

7 Там же, с. 255.

В этом перечне предпосылок капитализма помимо рациональности можно выделить еще два базовых элемента, столь же уникальных для европейской традиции. Это опора на право, как систему твердых формальных правил и принцип автономии (свободы) субъектов капиталистической деятельности (как предпринимателей, так и наемных работников). Наличие *зон автономии*, из которого вытекает феномен *многосубъектности* общества также уникален в мировой истории и по своим масштабам определенными оговорками и уточнениями характерен только для Запада.

Базовая триада (*рациональность — формально организованное право — автономия*) может рассматриваться как фундамент, над которым надстраиваются другие элементы западной цивилизации, отличающие ее от других цивилизаций мира.

В этом моменте мы можем отметить базовое отличие подходов Маркса и Вебера. Первый подход монофакторный. Капитализм — это в первую очередь процесс извлечения и приращения прибыли, все остальное — второстепенно. Существуют чисто экономические законы формирования и функционирования капитала, все остальные явления в сфере цивилизации и культуры вторичны, так порождаются этими законами. Второй подход многофакторный, он основан на допущении, что извлечение и приращение прибыли возможно только при действии других факторов, в том числе определенной цивилизации и культуры, которые не вторичны по отношению к капиталу, а являются условиями его функционирования.

Вышеописанная триада «рациональность — право—свобода» как раз и относится к явлениям цивилизационного порядка. Элементы триады являются необходимыми «ферментами», без которого капитализм не может быть синтезирован, даже если для этого существует такая предпосылка как развитие производительных сил.

Следует отметить, что все три элемента данной триады связаны друг с другом логически и понятийно. Принцип рациональности указывает на свободу (автономию) от каких-либо над- и внерациональных авторитетов, не только мышления самого по себе, но и его производных включая религию, идеологию и т. д. Свободна от подобных зависимостей и рационально сформулированная система права. «Право в общем смысле становится «рациональным правом» только, когда оно становится своим собственным легитимизирующим принципом», — пишет, интерпретируя позицию Вебера, Том Кревер⁸.

В условиях независимости права от религиозной, политической и иной внеположенной ему легитимационного единственным руководящим началом является рациональная (формально логическая) аргументация,

8 Krever T. 'The rule of law and the rise of capitalism' in Christopher May & Adam Winchester (eds.), Handbook on the Rule of Law (Edward Elgar, 2018), pp.184-200.

а функционирование в обществе осуществляет рационально организованная юстиция. Подобная система «легальной рациональности», опора которой находится внутри нее самой в виде формальной правовой логики, согласно Веберу, имеет место только в Европе.

«Только Запад поэтому знал естественное право, только он целиком провел деперсонализацию права и полностью отказался от тезиса о приоритете решения общины по отношению к праву страны, только он, наконец, увидел рождение такой своеобразной структуры, как римское право, и пережил процесс его рецепции»¹.

Анализируя разные неевропейские системы права, Вебер заключает, что ни одна из них не имеет в своей основе строго систематических форм мышления, необходимых для рациональной юриспруденции. Просто коммерция — торговля, товарный обмен, накопление денег и т.д. встречаются в разных цивилизациях. В этом смысле Вебер в разных своих сочинениях говорит о вавилонском, индийском, китайском и т.д. «капитализмах». Однако капитализмом в универсальном, смысле слова, выработанным Западом и навязанным им остальному миру, они становятся только тогда, когда подвергаются «ферментации» триадой «рациональность — легальность — автономия». Без такой «ферментации» отдельные элементы капитализма могут произрастать на почве других цивилизаций, но без западного влияния им не дано выстроиться в капитализм как всеобъемлющую систему. Подобная универсальная «сборка», согласно Веберу, произошла только на Западе.

Том Кревер отождествляет «легальную рациональность» с принципом верховенства закона (*the Rule of Law*). Сопоставляя подходы Маркса и Вебера к данному принципу, этот автор делает вывод об их полной противоположности. Согласно Марксу, *Rule of Law* является продуктом развития материальных предпосылок — капиталистических производительных сил. Побеждая, капитализм порождает «буржуазное право» как один из элементов идеологической «надстройки». Согласно Веберу, дело обстоит ровно наоборот. Системы законодательства, сформированные на Западе в русле традиции легальной рациональности, восходящей к римскому праву, были не продуктами капитализма, а предпосылками его формирования в Европе². Легальная рациональность, таким образом, является не «надстройкой», а встроена в «базис» капитализма как системы общественных отношений.

Таким образом, следуя подходу Вебера, нельзя применять к капитализму такие определения как «криминальный», «государственно-монополистический» и т. п., ведь верховенство и независимость права является неотъемлемой частью капиталистической системы, а в данных видах экономических «формаций» они, очевидно, отсутствуют. В духе Вебера сфор-

1 Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. III. Право. М. 2018, с. 209.

2 KreverT. Там же.

мулированы такие определения капитализма, как например у Айн Рэнд: «капитализм — это общественный уклад, основанный на признании прав личности, в том числе права собственности, и предполагающий, что вся собственность находится в руках частных лиц»³. Пусть в этом определении отсутствует понятие рациональности, тем не менее, оно все равно держится в русле многофакторного подхода и потому следует концепту Вебера. Делая акцент на праве собственности, Рэнд также идет в фарватере мысли Вебера, так как понятие *права собственности* имплицитно содержится в концепте легальной рациональности, вне которого не может быть обосновано и развернуто.

Веберовское направление в осмыслении капитализма прослеживается и в описании «инклюзивных» институтов Асемоглу и Робинсоном, хотя эти авторы не употребляют самого термина «капитализм». Такие институты «стимулируют участие больших групп населения в экономической активности»⁴, приводя тем самым к всеобщему росту благосостояния.

Их незаменимыми элементами являются «защищенные права частной собственности, беспристрастная система правосудия и равные возможности для участия всех граждан в экономической активности»⁵.

«Гарантированное право собственности, правопорядок и доверие коррелируют с лучшими экономическими результатами», такими словами АнверГрейф говорит о том, что Вебер подразумевал под термином «капитализм», хотя Грейф, так же, как Асемоглу и Робинсон данный термин не употребляет. Данное обобщение он делает, ссылаясь на труды рубежа XX — XXI веков⁶.

Различие между веберовским и марксистским подходами Крeвер иллюстрирует на примере провала попыток построить полноценный капитализм после краха СССР. В ходе массовой приватизации собственности в России в 90-ые годы был достигнут один из сформулированных Марксом ключевых показателей зрелого капитализма: доминирование частной собственности на средства производства. Не только российские реформаторы, но и многие западные ученые при всем своем «антикоммунизме» думали, что «рынок возникнет, как только бюрократы централизованного планирования очистят поляну»⁷.

По сути это был чисто марксистский подход, основанный на уверенности в том, что материальный базис капитализма в позднем СССР уже сформирован, осталось только убрать вошедшую с ним в «диалектическое противоречие» коммунистическую номенклатуру и дальше на нем возникнет «надстройка» в виде демократии «как на Западе».

3 Рэнд А. Капитализм. Незнакомый идеал. М. 2011, с. 14.

4 Асемоглу Д., Робинсон Д. А. «Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты», с. 65.

5 Там же, с. 65.

6 Грейф, А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли М. 2013, с. 427.

7 Jeffrey S. Poland's Jump to the Market Economy. MIT Press. 1993.

Подход Вебера закладывает принципиально иную парадигму постижения исторических процессов, согласно которой никаких единых законов универсального развития не существует. Человечество разделено на цивилизации, и развитие есть удел или продукт одних цивилизаций, но может быть совершенно не свойственен другим.

Для Маркса капитализм — одна из фаз общемирового развития. Вебер же считает капитализм уникальным феноменом, порожденным цепочкой причин, выработанных на Западе. Другие цивилизации могут порождать отдельные элементы капитализма, либо аналоги таких элементов, но не развивать внутри себя целостный универсальный капитализм, что можно делать только одним путем: заимствуя комплекс его идей, институтов и ценностей у Запада.

Шмуэль Айзенштадт формулирует данный тезис следующим образом: «новая цивилизационная тенденция, начавшая развиваться в Западной Европе в XIX в., распространилась по миру, создавая новую международную политическую, экономическую и культурную систему. Силы этой системы, распространяясь из новых центров, сначала в Европе и Америке, затем в России и Японии, постоянно воздействуют на мировые цивилизации и общества, порождая в них самые разные реакции»¹.

Различие в подходах Маркса и Вебера порождает еще одно лингвистическое расхождение, на которое обычно не принято обращать внимание. Речь идет о словосочетании «переход к капитализму». С нашей точки зрения, обозначаемое им понятие в рамках веберовского подхода можно применять только к западным странам, в которых капитализм зародился как таковой. Для остальных частей мира более точным было бы применение словосочетания «трансфер капитализма».

После Вебера многие социологи, под его несомненным влиянием, изучали тот «трансфер», называя его по-разному: «коммерциализацией», «демократизацией», «модернизацией», «вестернизацией». Именно концепция Вебера об истоках западного капитализма сама послужила истоком разнообразных теорий модернизации.

Успешный опыт Запада, вытекающий из его уникальной культуры и институтов, получил распространение в других частях света, вызвав целый спектр результатов — от полного успеха до полного провала и связанной с ним традиционалистской реакции.

О том, что сопротивление западному влиянию имеет цивилизационные причины, уже писал Самюэль Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций»². Там он говорит о «некомпартибельности», скепсисе или враждебности определенных культурно-религиозных цивилизационных типов в отношении капитализма и демократии. С его точки зрения несовместимы с ними конфуцианская и исламская культуры, для которых приоритет-

1 Eisenstadt S. Modernization: Protest and Change. N.Y., 1966, p. 131-132.

2 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. АСТ, 2016.

ными являются права общности, а не отдельной личности, а также — традиции. Славянская ортодоксальная, индуистская и африканская культуры хотя и не способствуют демократии, но и не враждебны в ее отношении. Наконец, западная культура с протестантизмом и либерализмом, латиноамериканская — с католицизмом и японская создают позитивный базис для капитализма и демократии.

В настоящей работе мы ставим перед собой задачу проанализировать в свете веберовской концепции некоторые аспекты исторического развития России, связанные с крайне противоречивым и неоднозначным по своим результатам «трансфером капитализма». Данная работа написана нами как продолжение монографий «По колее особого пути. Цивилизационный процесс и модернизация в России»³, «Модернизация и архаика»⁴.

2. Почему Россия — не Запад?

Отталкиваясь от теории Вебера о происхождении капитализма, достаточно удобно объяснить, почему совокупность различий цивилизационного развития России и Запада очевидным образом перевешивает совокупность сходств, иными словами — почему Россия не является частью западной цивилизации.

В первую очередь необходимо констатировать, что Россия принадлежит к подавляющему числу регионов мира, в которых капитализм возник не спонтанно, а был инициирован методами государственной политики в порядке осуществления «догоняющей модернизации».

Среди многих факторов, породивших уникальность западного права, Вебер выделяет два основных. Это римская правовая традиция специфика европейского Средневековья. Что же касается других цивилизаций, то у них, как пишет исследователь Вебера Дэвид Трубек, «отсутствовало специфическое правовое наследие», вследствие чего они «не смогли развить такие религиозные идеи, политические структуры и экономические интересы, которые облегчили рост рационального права в Европе»⁵.

Для целей настоящей работы важно подчеркнуть идею Вебера, согласно которой особенности организации правовой системы являются цивилизационным признаком, отличающим Запад от других частей света. Из этого тезиса вытекает достаточно очевидный ответ на часто обсуждаемый вопрос о том, является ли Россия частью европейской цивилизации. Применяя критерии, установленные Вебером, мы вынуждены признать, что это не так.

3 Митрохин, С. Михалева Г. По колее «Особого пути»: цивилизационный процесс и модернизация в России М.: Издательские решения, 2020.

4 Митрохин С. Модернизация и архаика — М.: Центр «Столица», 2017.

5 Trubek D. M. Max Weber on Law and the Rise of Capitalism // The Sociology of Law: Classical and Contemporary Perspectives Brunswick, NJ. 2008, p. 724.

Решающим аргументом в пользу такого утверждения является провал всех попыток создать в России правовое государство и отсутствие его до настоящего времени. Юридическое и политологическое обоснование данного тезиса содежится в части 2 данной работы.

Причины цивилизационного расхождения между Россией и Западом нам уже доводилось анализировать¹. Напомним о них предельно кратко.

Раскол между западным и восточным христианством середины XI века — возвел между Русью и Европой практически непреодолимый религиозный барьер. Но этот барьер возник не на пустом месте. Задолго до возникновения *религиозной* изоляции великие славянские просветители Кирилл и Мефодий, создали славянскую письменность, заложив тем самым фундамент для еще более жесткой *языковой* изоляции русского мира. Лингвистический барьер свел к минимуму обмен информацией, идеями и ценностями между Русью и Европой. Еще более судьбоносное обстоятельство заключалось в том, что он отсек русский социум не только от «специфического правового наследия», о котором говорит Вебер, но и от большей части античного наследия вообще.

Большинство священных языков мира были языками, как веры, так и познания. В отличие от них, церковнославянский (подобно авестийскому при Сасанидах) создавался исключительно как язык только веры, тем самым применение его для освоения светских знаний являлось заведомым кощунством. Подобный культурный изоляционизм отсутствовал не только на Западе, но и в Византии, откуда шло основное влияние на Русь. Греческий в Византии, так же как латынь на Западе, был изначально «открыт» античному наследию, тогда как церковнославянский являлся по отношению к нему «изолирующим».

Для католических стран язык богослужения являлся ключом к сокровищнице римского права, для Византии — к древнегреческой философии, а церковнославянский для православных — замком и на первой и на второй. Таким образом, оказались заблокированными каналы коммуникации русской культуры с европейскими традициями, как рациональности, так и легальности (принципом верховенства права).

Просто открывался только ларчик, содержащий библейскую мудрость. Она-то и переполняет с избытком как «систему образования», так и весь корпус русской литературы с XI по XVII век.

Образование на Руси «носило исключительно катехитический характер: образованность не вырастает здесь, как в Византии, из античной традиции, а поначалу целиком связана с миссией. Это отражалось и на составе книжности: подавляющая ее часть состоит из произведений духовной литературы... Образованность ... за пределы этого ограниченного корпуса не выходила, а элементарное образование сводилось лишь к ов-

1 См. подробнее: Митрохин С. Модернизация и архаика. М.: Центр «Столица», 2017.

ладению чтением, ориентированным на тот же корпус религиозных текстов»².

Сугубо религиозный характер образования и просвещения многих поколений русской духовной и светской элиты наложил мощный отпечаток на национальный характер и имел множество иных долговременных последствий. Еще более серьезный вклад в прокладывание «особого» русского пути сыграло то обстоятельство, что, будучи частью географической Европы, Россия формировала свою культуру в отрыве от античных истоков (впоследствии — западных традиций) рациональности, верховенства права и многосубъектности общества.

Опираясь на веберовскую триаду (см. выше) и основанный на ней кластер уникальных особенностей Запада, мы попытаемся далее проследить основные цивилизационные последствия многовековой российской изоляции.

3. Правда вместо права. Российская правовая традиция в стороне от «легальной рациональности»

Как уже говорилось выше, базовыми элементами европейского развития, согласно Веберу, являются рациональность, легальность и автономия (свобода). Но из этих первичных свойств вытекают и многие другие.

В этой триаде понятие «легальности» является ключевым, так как включает в себя как «рациональность», так и «автономию».

«Вебер полагал, что европейское право было более рациональным, чем правовые системы других цивилизаций, так как было высокодифференцировано (т. е. автономно), генерализовано и универсально»³.

Данную особенность европейское право унаследовало от римского. Вебер неоднократно подчеркивал, что главный смысл рецепции последнего заключался не в копировании самих по себе норм и институтов, а в усвоении данного типа юридического мышления, основой которого является формализм, не делающий исключения ни для каких неправовых и алогичных «вторжений» в материю права.

«Рациональность римского права выступает как причина его строгого формализма. Рецепция римского права имела решающее значение только в том смысле, что она создала формальное юридическое мышление. По своей структуре всякая правовая система основана либо на формально-юридических, либо на материальных принципах. ...римское право яви-

2 Живов В. М. Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры, М. 2002, с. 81–82.

3 TrubeckD. M. Max Weber on Law..., p. 724.

лось средством подавления материальной правовой системы в пользу формальной»¹.

Высокая степень формализма, выражающаяся в повышенном внимании к процессуальным нормам и правовой процедуре как таковой, ограничивает субъективизм при применении материального права и тем самым выступает гарантией объективности правосудия, т. е. его независимости от любых «вводных» — религиозных, идеологических, политических, психологических — находящихся за пределами строгой логики юридических процедур. В этом и состоит признак автономии права как системы, обособывающей само себя.

С этой точки зрения очевиден водораздел между европейским с одной стороны и, например, мусульманским и китайским правом — с другой. Первое (шариат) подчинено авторитету Корана, второе — канонам конфуцианской морали. Очевидно, что данные правовые системы, таким образом, не обладают признаками автономии и формализма. Что же касается рациональности, то Вебер не отказывает им в ней полностью. Рациональные построения имеют место, как в праве, так и в других сферах интеллектуальной деятельности восточных цивилизаций, однако в них нет того, что присуще исключительно европейскому типу рациональности: восходящей к древнегреческим философам строгости мышления, которое обособывает само себя.

«Правовые предписания могут быть в большей мере инструментальными, будучи направленными на достижение внешнего набора конкретных целей, выдвигаемых религией или политической идеологией, и тем самым подчиненными задаче осуществления этих целей. Напротив, набор предписаний может быть автономным от выполнения специфических социальных задач и тем самым подчиняться только самим себе»².

Российская цивилизация, наряду с мусульманской и китайской, демонстрирует важнейший признак отличия от западной: отсутствие веберовской «легальной рациональности», а в более привычной терминологии — принципа «верховенства закона» или «правового государства».

Сказанное не означает, что все незападные цивилизации одинаковы с точки зрения их отношения к праву, рациональности и другим параметрам Запада. Так, например, роль правовых систем и институтов в Китае и на мусульманском Востоке, по-видимому, в их социумах более высока, чем в России. Речь здесь идет только о том, что ни в одном из регионов незападного мира не смогла сформироваться без его участия вышеупомянутая триада и основанная на ней капиталистическая система, хотя отдельные элементы для ее «сборки» могли не только существовать в виде аналогов и прообразов, но и использоваться в дальнейшем в ходе трансфера капитализма (модернизации).

1 Weber M., General Economic History NY, 1950, p. 342.

2 TrubeckD. M. Op. cit., p. 728.

Не причисляя российскую, мусульманскую, китайскую и иные традиции под одну общую гребенку, мы все-таки, следуя Веберу, не должны выпустить из виду то, что их объединяет, а именно: отсутствие какого-либо аналога рационально самообоснованному римскому праву. По этой причине право в данных традициях было неизбежно подчинено религии, а со времени секуляризации — идеологии. Вместо верховенства *права* в этих цивилизациях имеет место верховенство национальной системы верований (*правды*), а государства являются не правовыми, а религиозными либо идеологическими.

Понятие «государства правды» в применении к Древней и Московской Руси введено в научный оборот в прошлом веке евразийцем Михаилом Виноградовым³.

Термин «государство правды» уместно использовать как антонимический термину «правовое государство». Данная антитеза хорошо иллюстрирует базовое расхождение между Россией и Западом. В западных странах, безусловно, правовая система тоже выстраивается на базе определенной идеологии («правды»), однако данная идеология, во-первых, как таковая сама содержит в себе идею права, а, во-вторых, не имеет возможности произвольно вторгаться в материю права и подчинять ее собственной воле. Именно в этом, как мы пытались показать выше, западные системы права отличаются от всех остальных.

Для более точного усвоения смысла слова *правда* в российском социокультурном контексте полезно прочертить двелинии его отличия от понятия *истина*. С одной стороны: истина, как известно, одна на всех, а правда у каждого своя. С другой: в отличие *истины*, которую ищут «без гнева и пристрастия», правду *навязывают с гневом и пристрастием*.

На каждой фазе развития российского государства (за исключением редких и коротких периодов модернизации) конструируется своя *правда*, и, как мы постараемся показать дальше, в каждом наборе этого конструктора есть как постоянные, так и меняющиеся элементы. В числе этих элементов фигурируют не только идеологические концепции, нарративы, мифы, символы и ритуалы, но и определенные психологические комплексы. Поэтому было бы неправильно идентифицировать *правду* с понятием идеологии, гораздо уместнее было бы назвать весь этот достаточно иррациональный набор «имагинарием».

Для формирования таких правд-имагинариев на Руси всегда были в избытке соответствующие штаты «профессионалов». На заре российской цивилизации этим занимались церковные деятели и монахи. В качестве яркого примера можно привести инока Филофея как автора мифологемы «Москва — Третий Рим».

Избыток такого рода «имагинологов» показательно контрастирует с полным отсутствием слоя юристов. На Руси упомянутые выше религиозный и языковой барьеры не позволили осуществлять рецепцию римского

3 Митрохин С., Михалева Г. По колее «особого пути». М.: Издательские решения, 2020, с. 29 -32.

права и создавать университеты для его изучения, соответственно не было корпуса профессиональных юристов, который был бы заинтересован в формировании и поддержании внутренней — рациональной и автономной — логики права.

«Знание законов и умение с ними обращаться приобретались почти исключительно в процессе практического осуществления правосудия или при составлении различного рода деловых бумаг. Соответственно, носителями такого знания и умения... становились... преимущественно служащие государственного аппарата»¹. Поскольку слой юристов не сформировался, постольку он не мог служить посредником между властью и правом, играть роль противовеса стремлению власти произвольно использовать, трактовать и игнорировать право, т. е., в конечном счете, склонять ее к движению в направлении правового государства.

Государство *правды* отличается от правового тем, что упомянутый выше «имагинарий» является в нем главным элементом управления (понимаемого как навязывание и принуждение), а правовая система играет второстепенную роль.

До петровских реформ в России отсутствовала единая система организации правосудия: различные категории населения были подсудны дьякам отдельных приказов. Но это не означает, что судебная реформа Петра, создавшая подобие единой правовой системы, существенно усилила в государстве роль права и его процедур. «В эпоху Петра I право начинает активно использоваться властью в качестве важнейшего регулятора общественных отношений. На протяжении всего XVIII века российские монархи пытались организовать деятельность правительственных учреждений на основе западных правовых идей, заявляя о своей приверженности идеалам законности. Однако представление о законности сводилось лишь к использованию законов для регламентации деятельности государственных институтов и обязанностей подданных»².

Если цивилизациям Ближнего и Дальнего Востока, Россию роднит подчинение правового регулирования религиозному (идеологическому) руководящему началу, то этого нельзя сказать о принципах взаимоотношения религии и права.

Вроссийской традиции религиозный диктат в праве не столь актуален, как диктат политический. От Судебника Ивана III до путинской Конституции правовыступает как инструмент в руках политической власти, а этот авторитет освящен религиозными инстанциями, место которых на определенных этапах истории занимают идеологические.

«Судебная система государства рассматривалась монархией ... в качестве простого инструмента для применения законов на практике ... Впо-

1 Ермошин В. В., Ефремова Н. Н., Исаев И. А. Развитие русского права в XV — первой половине XVIII века. М. 1986, с. 46.

2 Амплеева Т. Правосудие в России: тернистый путь его становления // Право в современном мире №2. 2015, с. 13.

следствии основной задачей советского правосудия станет утверждение государственной воли при полном примате администрации над юстицией»³. В двух следующих разделах мы попытаемся ответить, на вопрос о том, как примат администрации над юстицией или юстиции над администрацией связан с процессом формирования иерархии ценностей.

4. Религия права: «юридическая» монархия на Западе

Как уже отмечалось выше, к числу причин, порождающих, согласно Веберу, феномен «легальной рациональности» на Западе, относятся не только интеллектуальные и правовые традиции, но и особенности «средневековой организации общества». От данного тезиса отталкивается в XX веке немало ученых, как зарубежных, так и отечественных. В этой связи в первую очередь следует упомянуть книгу Г. Дж. Бермана «Западная традиция права: эпоха формирования»⁴.

Введя в научный оборот понятие «папская революция», Берман пополняет список факторов происхождения правового государства, предложенный Вебером. При этом «бермановская» часть списка в отличие от «веберовской» берет свое начало не в античности, а в зрелом Средневековье. По его мнению, победа папства над светскими властителями в знаменитом споре об инвеституре XI-XII веков имела судьбоносные последствия для западной цивилизации — в первую очередь потому, что «священноначальнический характер и положение короля ставились под сомнение»⁵.

Эта победа в той или иной степени для разных европейских стран поколебала опору, которую до этого императоры и короли имели в лице церкви, заставив их искать альтернативную опору в правотворчестве. С этой целью они начали интенсивную работу по созданию правовых систем при помощи новой общественной страты юристов, которая появилась в результате открытия и изучения в университетах вновь открытого в XI веке кодекса римского права, известного как Дигесты Юстиниана.

Если до папской революции монархи, опираясь на церковь, несли своим подданным *благодать*, то теперь благодаря вновь открытому источнику регулирования жизни общества, у них появилась возможность нести нацияюридически оформленную *справедливость*. «Имел место период перехода от раннесредневековой литургической идеикоролевской власти к позднесредневековому представлению божественном праве монарха»⁶.

3 Там же, с. 13-14.

4 Берман Дж. «Западная традиция права: эпоха формирования». М., 1998.

5 Там же, с. 255.

6 Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической идеологии. М. 2015, с. 171.

Об этом же говорит и российская исследовательница Н. А. Хачатурян: «рецепция римского права стимулировала амбиции светской власти, претендующей реанимировать принцип «король — источник права» и тем самым открыла этап секуляризации государства и движение последнего по пути от монархии теизированной к монархии «юридической»¹.

Укрепляя юридическую систему как опору своей власти, альтернативную религии, светские властители Запада были крайне заинтересованы в том, чтобы издаваемые ими законы и создаваемые правовые институты пользовались максимально возможным уважением среди подданных. По мере продвижения к этой цели создавалось то, что можно назвать своеобразной «религией права».

«От судей и законоведов ожидали, что они будут относиться к Правосудию как его священнослужители, где заседания Верховного суда (устраивавшиеся с соблюдением детальной процедуры, сравнимой с церковным церемониалом) уподоблялись «наисвященной службе (таинству) Правосудия» (*Iusti tia es acratissimum ministerium [mysterium]*), где юристы и придворные понимали «культ Правосудия» в понятиях *religioiuris* (религии права) или *ecclesia imperialis* (имперской церкви)².

Религиозному возвышению права содействовал и сам текст Дигест Юстиниана, начинающийся с приравнивания юристов к жрецам: «по заслугам нас называли жрецами (*sacerdotes*), ибо мы заботимся о правосудии, возвещаем понятия доброго и справедливого, отделяя справедливое от несправедливого, отличая дозволенное от недозволенного...»³.

Между тем, именно «сводам Юстиниана выпала судьба заменить собой те религиозные ценности королевской власти, которые, являясь выражением литургических и сакраментальных представлений, были общепризнанными вплоть до времени борьбы за инвеституру»⁴.

Из императоров Священной римской империи активную наиболее роль в этой «переоценке ценностей» играл Фридрих II. Кроме него на этом поприщепрославились английские короли Генрих II и Эдуард I, а также французский — Людовик IX.

«Средневековые модели и теории королевской власти не были попросту отброшены ни Фридрихом II, ни другими; практически все бывшие ценности сохранились, но были переведены в новые, светские и в основном юридические, формы мышления и, таким образом, выжили благодаря перемещению в светский контекст. Более того, эти модели и ценности были рационализированы средствами теологии, но по большей части средствами научной юриспруденции»⁵.

1 Хачатурян Н.А. Власть и общество в западной Европе в Средние века. М., 2008, с. 20.

2 Канторович, там же, с. 180.

3 Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. I. М. 2008, с. 83.

4 Канторович. Там же, с. 199.

5 Там же, с. 191.

Еще одна российская исследовательница С. К. Цатурова прослеживает, как сакрализация права при Людовике Святом превращает его не только в одну из высших ценностей французского общества, но и приводит к тому, что справедливое правосудие становится фактором национальной самоидентификации французов.

«При этом монархе и благодаря ему «правосудие превращается во Франции в «королевскую добродетель». Судебная и монархическая символика соединяются во Франции в неразрывную связь. Французская монархия отныне опирается на судебную власть как на мощный стимул роста. Суд становится знаком превосходства Французского королевства, возникает мифологема о Франции как «родине правосудия», где ищут справедливости даже иноземные народы».

«При Людовике Святом возникает то подлинное «царство юристов», каким «славилась» Франция, а право и суд начинают преобладать в инструментах властвования и в общественных ценностях. Возникают первые династии слугителей короны, создается собственная юридическая школа, основанная на соединении обычного и римского права»⁶.

Данный процесс приводит к тому, что право превращается в предмет национальной гордости французов и служит тем самым поводом для осознания их национальной исключительности.

Среди знаков избранничества французов существенное место начинает отводиться правосудию/справедливости как доказательству превосходства Французского королевства над всеми прочими. Чувство национальной гордости, патриотизм как стратегия идентификации «нации» отныне концентрируется не только на своих героях и святых, не только на истории военных побед, но и на превосходстве институтов правосудия во Франции.

«Парламент превращается в один из факторов идентификации Французской монархии и в знак ее превосходства над другими странами, а отправляемая им судебная функция — в предмет национальной гордости. Парламентский прокурор и поэт Марциал из Оверни писал о Парламенте как о знаке превосходства Франции, которую «сверх почитали из-за суда благородного Парламента». Аналогичные институты, вокруг которых строилась национальная идентичность и патриотическая пропаганда, имелись в большинстве стран Европы, например, в Англии такую же роль очевидно играл орган сословного представительства, парламент. Превращение судебной функции в своего рода национальный миф и в стратегию национальной идентичности французов способствовало, на наш взгляд, процессу институционализации патриотизма. Парламент сделался предметом национальной гордости и знаком избранности французов»⁷.

6 Цатурова С. Под сенью Людовика Святого: этико-правовые основы монархического культа во Франции // <https://cyberleninka.ru/>

7 «Франция родина правосудия». Институционализация патриотизма // Этнос и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. СПб. 2015.

Аналогичный процесс «возвышения права», по-видимому, еще раньше протекал в Англии, где короли создавали подконтрольную им систему судов общего права, перехватывая юридическую инициативу у баронов и городов. Хотя Англия пошла по пути создания оригинальной правовой системы, не являющейся продолжением римской традиции, тем не менее, сама школа римской юриспруденции сыграла в его формировании выдающуюся роль.

«Если римское право призвано было воздействовать на английское право в период XII—XIII вв. прежде всего в области способа юридического мышления, юридической техники, то без латинского языка здесь обойтись было невозможно. Закономерным является, поэтому тот факт, что все королевские предписания, все документы судебных споров в королевских судах писались в Англии в рассматриваемый период только на латинском. На латинском языке были написаны также трактаты Глэнвилла и Брэктона, он продолжал быть языком английского права вплоть до XVIII в.»¹.

«Римское право предложило точные нормы, и эти нормы, адаптированные к новым условиям, легли в основание важнейших доктрин английского права»².

Формализация правового материала в этой стране проводилась силами юристов, которые изучали римское право в университетах. «Вот почему в качестве своих ближайших советников, канцлеров, судей английские короли привлекали в XII—XIII вв. юристов, воспитанных на римской юриспруденции»³.

Процесс «возвышения права», его восхождения к вершинам иерархии ценностей западного средневекового общества, по всей видимости, неразрывно связан с возникновением легального порядка и торжеством принципа верховенства закона. С социологической точки зрения этот процесс выражался в сближении правящей бюрократии с классом юристов.

«Западный мир имел в своем распоряжении формально организованную правовую систему, продукт римского гения, и чиновники, обученные этому закону, превосходили всех остальных в качестве технических администраторов. С точки зрения экономической истории этот факт знаменателен тем, что союз государства и формальной юриспруденции косвенно благоприятствовал капитализму»⁴.

И действительно, трудно представить себе *rule of law* в странах, где право не пользуется большим уважением.

1 Томсинов В. А. Римское право в средневековой Англии. Электронный научный архив УрФУ.

2 Holdsworth H. W. A. History of English Law. London, 1936, v. 2, p. 205.

3 Томсинов, там же.

4 Weber M., General Economic History, p. 343.

5. Религия власти и правовой нигилизм в России

Московия и нарождающаяся Россия находились от процессов сакрализации права на огромном расстоянии и были отгорожены от них «кирилло-мефодьевскими» барьерами. В то время как в Европе формировалась «религия права» в Московии набирала силу «религия власти».

Вместо десакрализации фигуры монарха здесь обозначается противоположная тенденция — усиленная сакрализация, доходящая до прямого обожествления православного царя.

Через 400 лет после западно-христианского спора об инвеституре в Московии право духовной инвеституры окончательно утверждается за самодержцем. Это произошло, когда Иван III, назначая нового митрополита Симона, «собственноручно вручил ему символ духовной власти — пастырский жезл»⁵.

Потребность в переходе к «юридической» модификации монархии в средневековой России полностью отсутствовала, поскольку «священно-начальнический характер и положение» правителя не только никем не ставились под сомнение, но становились все более и более востребованными.

Восшествие на престол в 1547 году Ивана IV, отмечает исследовательница Л.А. Андреева, знаменует собой «новый уровень теократической легитимизации царской власти»⁷.

«Уже на Стоглавом Соборе 1551 года царь выступил в руководящей роли, свойственной византийским базилевсам»⁸.

Иван Грозный думает о себе как «владыке человеческих душ и спасителе. Царь возглавляет земную иерархию, которая отображает небесную, и, следовательно, он — «живой образ» Царя Небесного на земле. Именно этим и объясняются притязания Ивана Грозного»⁹.

Дело дошло до того, что «Бог как высшая трансцендентная сила оказалась на одной ступени в иерархической системе ценностей со смертным царем. В самоидентификации индивида стало распространенным выражение: «Божий и великого государя человек»¹⁰.

«Великое размежевание» духовной и светской власти могло произойти только в рамках католического мира, в православном оно было полностью исключено. До самого конца самодержавия православный царь оставался «литургической фигурой», «помазанником божьим», чье предназначение заключалось в том, чтобы дарить подданным в первую очередь божественную благодать, а не юридическую справедливость.

5 Андреева Л. А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. М. 2007, с. 203.

7 Там же, с. 217, 220.

8 Там же, с. 222.

9 Там же, с. 197.

10 Там же, с. 232.

«Сакральное тело» русского царя, в противоположность европейским королям, было настолько мощнее «юридического», что ни в глазах подданных, ни в своих собственных, он даже не воспринимался как лицо, ответственное за законодательство.

«В московской политической мысли XVI — первой половины XVII века практически отсутствовали представления о монархе как о творце законов — законодателе. Равным образом, практически отсутствовали представления о таком инструменте правления, а также ограничителе произвола, как закон». Лишь только «к 70—80 м годам XVII века в правящей и интеллектуальной элите постепенно распространяются представления о том, что монарх управляет государством с помощью закона»¹.

В результате запрос на справедливость, неизбежный и закономерный в любом народе, у русского был обращен не к праву и закону, а к фигуре самого царя.

«Для нашей страны еще со времен Московской Руси стало традиционным отождествление правосудия и монаршей защиты. То есть правосудие мыслилось как одна из основных функций государя, а не юстиции. Отсюда и стремление подданных искать защиты и справедливости лично у императора, а не в судебных учреждениях...»².

Данное наблюдение Татьяны Амплеевой можно расширить. Носителем справедливости как высшей ценности в российском социуме является не только личность монарха, но именно тот религиозный и/или идеологический порядок, верховенство которого установлено в данную историческую эпоху. Когда к власти пришли большевики, ожидание справедливости было связано совсем не с правовым порядком, а с наступлением «нового общественного строя». Ключевую роль тут играла идеология («правда») коммунизма, а не система юридических норм (право), которая базировалась на «революционной целесообразности».

Ни при царях, ни при советах, ни при нынешней путинской бюрократии сильный и самостоятельный суд никак не вписывался в систему самодержавной власти. Мало того, он рассматривался монархами как прямая угроза этой власти. На протяжении всей истории существования российского самодержавия власть, выстраивая и реформируя судебную систему, всегда стремилась полностью лишить судебные учреждения самостоятельности в толковании законов, оценке доказательств и принятии решений. Именно поэтому в царской России так и не сложилась корпорация независимых судей, а само понятие правосудия не стало ассоциироваться

1 М. А. Киселев Правда и закон во второй половине XVII — первой четверти XVIII века: От монарха-судьи к монарху-законодателю // Понятия о России: К исторической семантике имперского периода. Т. I. М. 2011, с. 51, 58.

2 Амплеева. Там же, с. 11.

у подданных российской короны с такими категориями, как справедливость, объективность и законность³.

Российское право формировалось *исключительно* как инструмент власти и подчинения, а не сложная логически самодостаточная система юридических норм, основанная на «искусстве благого и справедливого» (*ars bonie tequi*).

Полное незнание латыни русскими элитами исключало как прямую рецепцию римского права, так и воздействие его идей на развитие собственного обычного права, как это произошло в Англии.

В этих условиях не могло быть и речи о какой-либо сакрализации права и его «восхождения» к верхним этажам ценностной иерархии. Скорее можно говорить об обратных процессах «десакрализации» и «нисхождения». О них можно судить по изменению названия свода законодательных норм. Первый, самый древний, как известно, назывался «Русской *правдой*», т. е. обозначался словом, синонимичным понятию справедливость и приобщавшим право к кругу высших ценностей. Однако, вслед за этим появляются уже «Уставная грамота», «Судебник», «Уложение» — термины, сами по себе уже не связанные со справедливостью и иными высшими ценностями. Конечно, были еще разного рода «Кормчие» и «Мерило праведное», представлявшие как раз переводы с греческих правовых кодексов. Однако, историки русского права отмечают, что эти сборники на практике применялись только для церковных нужд, а в основном использовались как духовная литература наряду с религиозными текстами. Характерно, что и писались они на «сакральном» церковнославянском языке, в то время как «практическое» право излагалось на повседневном древнерусском, близком к разговорному.

Уже в Киевской Руси не книжный язык употреблялся в деловых документах, поскольку они не связаны с христианской культурой⁴.

Подобная «диглоссия» не была характерна ни для Византии, ни для Европы, где правовые акты излагались на «священных» языках христианской культуры — греческом и латыни». Таким образом, в отличие от этих цивилизаций, на Руси сама языковая ситуация вычеркивала право и правосудие из круга культурных ценностей.

«Благоговейное отношение к судебной власти на Западе ... было совершенно несвойственно России. Вера в верховенство исполнительной власти и приниженное положение суда — это элементы «традиционного образца институционального поведения (*traditional patter no finstitution albe havior*), который в ходе модернизации сумел удержаться в России. Этот образ поведения пережил судебную реформу, индустриализацию и революцию. Функция отправления правосудия не была престижной в царской России. Судебные уставы 1864 г. посеяли семена конфлик-

3 Там же, с. 13–14.

4 Живов В. М. История языка русской письменности. Том 1, М. 2017, с. 98.

та между исполнительной и судебной властью, поскольку недоверие самодержцев к независимому суду неуклонно возрастало. Владимир Ленин, юрист по образованию, рассматривал буржуазное право как инструмент старого государственного строя, и после 1917 г. советская власть превратила суд в свое собственное послушное орудие¹.

Не являясь культурной ценностью, право на Руси не могло стать и предметом специального обучения, т. е. не существовало никаких предпосылок возникновения юридической науки. «Право и суд относились здесь к прикладной, прагматической, а не к ученой сфере»².

На фоне подобной подозрительности по отношению к праву со стороны правящей элиты совершенно не удивительна правовая индифферентность в обществе, которая в отдельных его слоях переходит в правовой нигилизм. Как справедливо замечает современный российский исследователь Руденкин, «правовой нигилизм — отнюдь не выдумка ученых, а реальный феномен отечественной политико-правовой культуры»³. Такие оценки в последнее время высказываются достаточно часто. «Наличие правового нигилизма в России констатируют многие отечественные и зарубежные ученые»⁴. «Одним из постоянных источников правового нигилизма можно считать своеобразный российский менталитет, точнее, его отдельные черты. Для него характерно неуважительное отношение к законам, порядку»⁵.

Первое в отечественной литературе наблюдение на тему правового нигилизма русского народа, как известно, принадлежит Александру Герцену: «Правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школою. Вопиющая несправедливость одной половины его законов научила его ненавидеть и другую; он подчиняется им как силе. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы он звания ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство»⁶.

Для анализа русского интеллигентского сознания важно продолжение данной цитаты: «Это тяжело и печально сейчас, но для будущего это — огромное преимущество»⁷. Другими словами, для одного из первых русских интеллигентов правовой нигилизм народа — это, в ко-

1 Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004, с. 11.

2 Колмэн Н. Преступление и наказание в России раннего Нового времени М. 2017, с. 47.

3 Руденкин В. Н. Истоки правового нигилизма в России // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. [XI Международная конференция, Екатеринбург, 19-20 марта 2008 г.], с. 111.

4 Бугаенко Ю. Ю. Правовой нигилизм в условиях современной российской политической системы // Эл. Ресурс Cyberleninka.

5 Зрячкин А. Н. Правовой нигилизм: причины и пути их преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007, с. 23.

6 Герцен А. И. Собр. соч. Т. 7. М. 1950, с. 251.

7 Там же, с. 251.

нечном счете, благо, а не зло. «Мысль эта принадлежала не лично ему, а всему кружку сороковых годов и, главным образом, славянофильской группе их», — отмечает БогданКистяковский⁸. За полвека, отделяющего ранних славянофилов от выхода «Вех», в этих оценках мало, что изменилось. «Русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности. Из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне»⁹. В данной статье Кистяковского убедительно доказывает, что правовой нигилизм — это одна из немногих особенностей, которая не отделяет интеллигенцию от народа, а напротив — полностью их объединяет. Впрочем, ее ответственность, в отличие от народа, вытекает из того, что она имеет доступ к знаниям, выработанным человечеством. Но этой сокровищницей знаний русская интеллигенция пользуется бессистемно, поверхностно и выборочно, игнорируя, в частности, идеи, связанные с признанием ценности и верховенства права.

«Одна за другой у нас выдвигались формулы: критически мыслящей, сознательной, всесторонне развитой, самосовершенствующейся, этической, религиозной и революционной личности. Были и противоположные течения, стремившиеся потопить личность в общественных интересах ... Трудно найти более разностороннюю и богатую разработку идеала личности... Но именно тут мы констатируем величайший пробел, так как наше общественное сознание никогда не выдвигало идеала правовой личности. Обе стороны этого идеала — личности, дисциплинированной правом и устойчивым правопорядком, и личности, наделенной всеми правами и свободно пользующейся ими чужды сознанию нашей интеллигенции»¹⁰. «В идейном развитии нашей интеллигенции, поскольку оно отразилось в литературе, не участвовала ни одна правовая идея. И теперь в той совокупности идей, из которой складывается мировоззрение нашей интеллигенции, идея права не играет никакой роли»¹¹.

Поразительное обстоятельство заключается в том, что более чем через 100 лет после издания «Вех» данное наблюдение нисколько не утратило актуальности. В период Перестройки и в 90-е годы появилось немало яркой публицистики на тему преимуществ рыночной экономики

8 Кистяковский Б.А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) // Вехи. Интеллигенция в России. М. 1909, с. 106-107.

9 Там же, с. 102.

10 Там же, с. 108.

11 Там же, с. 114.

и западного образа жизни в целом; при этом сложно вспомнить какие-либо труды, акцентирующие верховенство закона и независимость судебной системы как базовое условие функционирования рынка и существования западной цивилизации.

6. Рождение капитализма из духа автономии

Процесс возвышения права, начавшийся на Западе в результате папской революции, имел целый ряд фундаментальных последствий. Они связаны с тем обстоятельством, что право в роли субстанции, «самой себя обосновывающей» стало точкой опоры отнюдь не только для церковной и светской власти, но и для других субъектов общества, которые именно во многом благодаря ему и обретали свою «субъектность».

Здесь мы сталкиваемся с еще одной уникальной особенностью западной цивилизации. Только она, расширяя через свои юридические школы и университеты прослойку юристов, сумела настолько повысить популярность правовых процедур, что последние стали инструментом взаимодействия общества с властью, а подчас и противодействия ей. «Общественные силы вынуждали монархию на диалог с ними переводили свои взаимоотношения с властью на язык права»¹.

Наиболее очевидным образом «оружие права» было применено в ходе «революции городов», которую уже цитировавшаяся здесь Н. А. Хачатурян называет «освободительным движением городов»². Изучая ситуацию в итальянских средневековых коммунах, Роберт Патнэм отмечает роль правотворчества в борьбе за независимость городов: «для установления пределов насилию правителей были установлены специальные кодексы»³. Принципиально важно и то, что «специальные кодексы» применялись также для регулирования отношений внутри самих городских коммун, и это делалось самостоятельно — без опоры и оглядки на вышестоящие власти. Так рождался один из фундаментальных западных институтов — саморегулирующаяся автономия или корпорация.

Вебер первым среди исследователей мирового развития подчеркнул исключительность такого признака западной цивилизации как городская автономия: «Нигде, кроме Запада, мы не видим города в качестве общинного союза. Отличительными чертами его в средние века являются собственное право, собственный суд и до известной степени автономное управление. Средневековой горожанин был гражданином, потому и поскольку он принимал участие в этом суде и в избрании этого управления»⁴.

1 Хачатурян Н.А. Власть и общество в западной Европе в средние века. М. 2008, с. 41.

2 Там же, с. 63–75.

3 Патнэм Р.Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М. 1993, с. 156.

4 Вебер М. История хозяйства. Город М. 2001, с. 290.

Автономия европейских городов, рождающаяся в XI–XII веках напрямую связана с латынью. Именно на ней составлялись хартии вольностей, предоставляемые им королями и феодалами. Но латынь приносила свободу не сама по себе, а в силу того обстоятельства, что была языком римского права. Правовые тексты на латыни играли «цементирующую» роль в процессе создания корпуса городских хартий, фиксируя гарантии независимости городов и невмешательство в их дела светских и духовных феодалов. «Благодаря организованным, закрепленным в правовых актах условиям, а не стихийным бунтам, завоевания горожан не носили характера временной уступки»⁵. «Обретение городом письменного правового свидетельства, отразившего и закреплявшего его статус, само по себе являлось величайшим достижением освободительного движения»⁶.

Такого же рода тексты, уже в виде не только хартий, но конституций и уставов, фиксировали автономию не только самих городов, но и внутригородских корпораций: гильдий, цехов и т. д. Такие корпорации наряду с самими городами, которые также могли объединяться в межгородские союзы (такие как Ганза, Швабский союз) являются яркими примерами того, что в данном исследовании обозначено нами как «зоны автономии» европейского общества. Принципиально важным в существовании таких зон было минимальное, а также весьма ясно и четко зафиксированное в правовых актах вмешательство в их деятельность вышестоящих инстанций в лице государства, феодального сеньора и церкви либо полное отсутствие такого вмешательства. Данное обстоятельство содействовало созданию атмосферы свободы, пусть и не сразу каждого отдельного индивида, но больших социальных групп — от подавления другими группами и структурами. Притом, что коллективные формы действия в этих корпорациях доминировали над индивидуальными свободами, тем не менее, личность внутри зон автономии была, безусловно, намного более свободна, чем в сельской местности и тех зависимых от сюзеренов городах, где эти зоны отсутствовали.

«Чем выше был уровень автономности города, тем последовательнее и полнее обеспечивались личные права гражданина»⁷. Знаменитое выражение «*die Stadtluftmachtfrei*» (городской воздух делает свободным) фиксирует данное обстоятельство. Городская автономия и связанная с нею свобода были необходимым условием возникновения политических прав горожан.

Именно такие свободные (по сравнению с окружающим сельским населением) лица, живущие в границах городской автономии, обладающие правом участия в органах ее самоуправления и суда, образуют феномен «буржуазии» в его первоначальном виде. «Понятие гражданства мы

5 Хачатурян Н.А. Власть и общество..., с. 40.

6 Там же, с.75.

7 Там же, с. 73.

встречаем в древнем и средневековом городе. Здесь гражданин выступал, как носитель известных политических прав; в то же время вне Европы мы встречаем лишь намеки на это»¹.

Веберовский подход к анализу этого политического класса гораздо более историчен, чем марксистский. Это отражается уже на уровне этимологии. «Лишь на Западе мы встречаем понятие гражданина (*civis romanus, citoyen, bourgeois, Bürger*), так как лишь на Западе существует город в специфическом смысле этого слова»².

В большинстве европейских языков слово «буржуа» является производным от слова «горожанин». По Веберу «буржуазия» — это класс, прежде всего, свободных горожан, имеющих политические права. Да, именно из этой среды выделяются владельцы средств производства (буржуазия по Марксу), но данным отдельным признаком сущность буржуазии не исчерпывается исторически и не обозначается этимологически.

Согласно Веберу, буржуазия — совершенно новый класс, который не имел аналогов ни в раннем средневековье, ни в восточных цивилизациях, хотя везде там были торговцы и предприниматели. Новизна состоит в том, что на Западе предприниматели стали обладателями конкретных политических и экономических прав, что не было возможно в обществах с иным отношением к праву.

Таким образом, приведенную выше немецкую пословицу с полным основанием можно перефразировать так: *Die Stadtluft macht die Bourgeoisie*, городской воздух делает буржуазию. С не меньшим основанием можно утверждать, что он «делает» и капитализм.

Подтверждений этому тезису можно немало найти в литературе, посвященной раннему Новому времени. Так, говоря о Севере Италии, Роберт Патнэм пишет: «Бурная экспансия республиканских и гражданских институтов сопровождалась быстрым развитием коммерции... Эти купцы, хозяева мировой торговли, основатели капитализма, простирали свои коммерческие империи от Китая до Гренландии», — цитирует он историка экономики Джона Хикса³.

Для того, чтобы еще раз подчеркнуть связь многосубъектного общества Западной Европы с античным наследием, уместно привести следующие слова Анвера Грейфа: «При этом европейцы опирались на убеждения и нормы, унаследованные из традиций романо-германского права, которые делали фокальной точкой эксплицитно рукотворные (а не божественные) законы, самоуправление и процессы формального принятия решений (и даже европейское церковное право является рукотворным). Они также опирались на идею корпораций, которая, в конечном счете, восходит к временам Рима»⁴.

1 Вебер, История Хозяйства. Город, с. 287.

2 Вебер, Там же, с. 286.

3 Патнэм. Там же, с. 159.

4 Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. М. 2013, с. 440.

Конечно же, очевидно, что капитализм далеко не всегда порождается *только* городом и внутригородскими корпорациями. В Англии, например, решающий вклад в его развитие вносила не только городская буржуазия, но, чуть ли не в первую очередь, крупные землевладельцы. При этом надо заметить, что бароны тоже были объединены в свою автономную корпорацию, которую представлял собой английский парламент. Тут стоит напомнить, что и институт парламента был основан на корпусе латиноязычных правовых актов, восходящих к Великой хартии вольностей, а создание такого корпуса было бы невозможно без знания его авторами римского права.

Принимая во внимание данное обстоятельство, вышеприведенную немецкую поговорку было бы правильно сформулировать следующим образом: дух автономии порождает капитализм.

Свобода — не единственный феномен, характерный для этого «духа». Многие исследователи средневековых городских коммун обращали внимание на то, что при их возникновении возникала принципиально новая атмосфера *доверия*.

Роберт Патнэм отмечает, что институт кредита, изобретенный итальянскими торговыми городами-республиками⁵, мог возникнуть только в атмосфере доверия, порожденной, в свою очередь, «институтами республиканской гражданственности, ассоциации и распространения солидарности за рамки кровного родства»⁶.

Как писал неаполитанский просветитель Флангиери, «общественное доверие (*fede pubblica*) — это душа коммерции». Его современник Дженовезе также подчеркивает связь между *fede pubblica* и другим фундаментальным институтом капитализма — контрактом. «Позитивные законы общества — это контракты, а контракты опираются на доверие в гораздо большей мере, чем на принуждение к их исполнению»⁷.

Этика взаимного доверия и гражданская вовлеченность, по всей видимости, должны рассматриваться как фактор, имеющий столь же прямое отношение к «духу капитализма», как и протестантская этика, но только на более ранней стадии его развития. Только в отличие от протестантской этики, эта коммунальная этика имела не религиозные, а цивилизационные корни: «фундаментальные основы предпринимательства — рынок, деньги и закон — явились своеобразным возрождением институтов, некогда уже известных в классической Греции и Риме»⁸.

В связи с этим Энтони Пагден, основываясь на взглядах неаполитанских просветителей, также полагает: «возможно, что совсем не кальвинистская и пуританская трудовая этика вдохновила экономический подъем в про-

5 Патнэм. Там же, с. 160.

6 Pagden A. The Destruction of Trust and its Economic Consequences in the Case of Eighteen-century Naples // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations, Diego Gambetta (ed.) Oxford 1988, p.130.

7 Pagden, Op.cit. p. 136.

8 Патнэм, там же, с. 139.

тестантских городах 17 века и не христианство как таковое сделало это ранее в городах северной и центральной Италии, а секулярная этика классического республиканизма»¹.

С нашей точки зрения, данное утверждение можно считать обоснованным только частично. Этика республиканизма, несомненно, внесла свой вклад на ранних этапах его формирования в рамках средневековых коммун, в первую очередь итальянских. На античные корни капитализма, как было показано выше, не раз указывал и сам Вебер. Однако, наличие таких корней совсем не означает, что протестантская этика не могла внести свой вклад на более поздней стадии развития капитализма в другом географическом ареале. О том, как она это сделала, Вебер рассказывает в своей знаменитой книге.

Расцвет средневековых городских коммун, разумеется, не являлся непосредственной причиной становления капитализма в Европе, однако он был одной из важнейших стадий этого становления. Как известно, с наступлением «абсолютизма» эпоха полноценных городских автономий ушла в прошлое. Но это совсем не означало, что канули в Лету ценности и институты, с одной стороны послужившие стимулами для «муниципальной революции», а с другой — закрепленные ею в национальных самосознаниях западных обществ. Как пишет в своем исследовании о Вебере Рэндалл Коллинз, «города в союзе с королями потеряли свою независимость, но передали свои правовые структуры более крупным государствам»².

В этом смысле «современные автономии и основанные на законе корпоративные привилегии самоуправления происходят от городских хартий средневековой Европы»³.

В России «более крупное государство», поднявшееся примерно в то же время, что и западные «абсолютные» монархии подобного получить подобное наследие от своих городов никакой возможности не имело.

7. Безавтономное общество как признак «восточности»

Как уже подчеркивалось выше, наличие полностью или частично независимых городских корпораций, шире — «зон автономии» является, согласно Веберу, четким цивилизационным критерием, отличающим Восток от Запада.

«Одно из самых разительных различий между обществом средневекового христианства и исламским обществом состоит в том, что в первом

1 Pagden, Op.cit. p. 130-131.

2 Collins R. Weber's Last Theory of Capitalism: A Systematization Source: American Sociological Review, Vol. 45, No. 6 (Dec., 1980), p. 933.

3 Collins R. Weberian Sociological Theory. New York: Cambridge University Press. 1986, p. 47.

все формы корпоративных институтов процветают, а во втором полностью отсутствуют»⁴.

Эти соображения Вебера впоследствии подтверждались многими исследованиями, в том числе и советских авторов. Так, О. Г. Большаков в своем исследовании о ближневосточном городе пишет:

«...средневековый мусульманский город предстает перед нами лишенным каких-либо автономных, независимых от государства организационных начал, как бы не менялось его устройство: от централизованной империи Аббасидов до типично феодальной удельной системы при Сельджукидах и Айюбидах. Ту же картину мы видим и на востоке мусульманского мира — в Средней Азии»⁵.

Данная особенность, впрочем, не является уникальной для мусульманского мира, а скорее — универсальной для всего незападного мира в целом.

«Можно выделить следующие характерные черты китайского феодального города XI—XIII вв.: расположение на государственной земле; полное отсутствие городской общины и самоуправления; ... контроль государства над всеми формами торгово-ремесленной деятельности»⁶.

В России на протяжении всей ее истории также имеет место полная «бессубъектность» города, который даже отдаленно не имеет ничего общего с «зоной автономии» и находится под полным, ничем не ограниченным контролем верховной власти.

Рост городской автономии, ускорившийся на Западе после папской революции, никак не мог затронуть Россию по причине ее изоляции. Напротив, под влиянием монгольского владычества и вызванной им сверхцентрализации, в восточной части Европы идет противоположный процесс прогрессирующего уничтожения даже тех зачаточных и слабо оформленных зон автономии, которые намечались в Древней Руси.

Конечно, боярские вотчины и удельные княжества нельзя считать автономиями в полном смысле слова, так как их права и вольности не были четко юридически зафиксированы, но, по крайней мере, они были частично независимыми *de facto*. При переходе к централизованному государству автономия утрачивает даже РПЦ, чьи корпоративные права ранее были установлены в письменных документах — княжеских уставах.

4 Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в. Социально-экономические отношения / М. 1984, с. 281.

5 Там же.

6 Стужина Э. П. Китайский город XI—XIII вв. М. 1979, с. 74.

«Совмещение в одном центре светской и духовной власти дает эффект ее сверхконцентрации, свойственный восточным деспотиям; возникает феномен «властозависимости» всех сфер жизни социума, исключающий зоны автономии, характерные для стран Запада, где светская и духовная власти сдерживали и «ослабляли» одна другую»¹.

В то же время, при столь низкой позиции права в иерархии общественных ценностей, о которой говорилось выше, права и свободы корпораций не могли быть ни гарантированы, ни даже четко зафиксированы. Отсутствовал и сам язык, на котором данная фиксация могла произойти.

Поэтому в средневековой России «зоны автономии» не закрепляются за городами, ремесленными и иными профессиональными сообществами, сословиями и тем более отдельными индивидами.

Отталкиваясь от характеристики западного средневекового города, данной Вебером, Ричард Пайпс показывает, что русским городам не были свойственны минимум три признака, отличавшие западные города. В них не было резиденции автономного суда, они не являлись корпорациями с юридическим статусом и не обладали самоуправлением².

«По своей внутренней структуре города Московской Руси ничем не отличались от сельских населенных пунктов. И те, и другие были собственностью монархии...»³. Посадская община «в отличие от городских общин на Западе, ни в коей мере не представляла собою привилегированной корпорации. На посадах лежали тяжелейшие повинности, и доля посадщика была определенно горше доли крепостного крестьянина»⁴. «Город в Московии никогда не принадлежал сам себе, он вечно был чужой собственностью (поначалу нередко собственностью частных владельцев, а позднее — государства), и все его население зависело от того, на чьей земле он стоял»⁵.

Отсутствие «зон автономии» в социуме является такой же фундаментальной особенностью российской цивилизации, как и подчиненное положение права. Обе они, будучи тесно взаимосвязанными, резко отличают ее от Запада, и напротив, сближают со всеми незападными цивилизациями, хотя и в их ряду российская «безавтономность» выглядит весьма радикальной.

Католическая церковь сама по себе была учреждением, обладавшим разными вариациями автономии автономиями внутри «национальных государств», опиравшимся на полную независимость своего руководства в Риме. Но и внутри самой церкви высокие уровни автономий допускались для нижестоящих управленческих единиц (аббатств, архиепископств), монастырей и духовных орденов.

1 Митрохин С. Модернизация и архаика, М. 2018, с. 42.

2 Пайпс Р., Россия при старом режиме, М. 1993, с. 262.

3 Там же, с. 264.

4 Там же, с. 265-266.

5 Там же, с. 267.

При этом даже самые умеренные градации автономии были полностью исключены в рамках РПЦ. О степени тотальности русского православия можно судить по итогам спора нестяжателей и иосифлян в конце XV — 1-ой половины XVI века. Показательно в этом споре то, что он не мог закончиться обособлением нестяжательства в какое-либо отдельное течение или «орден» наподобие близкому ему по духу картезианскому ордену в Италии. Картезианцы, которых приводит в пример русскому клиру Максим Грек⁶, могли позволить себе «роскошь» обособиться от других монашеских сообществ и жить подаянием, не имея земель, а русские нестяжатели не имели возможности сделать нечто подобное, поскольку соборные решения о праве монастырского землевладения касались всех без исключения монастырей, ни один из которых, таким образом, не мог объявить в данном вопросе о своей автономии.

Между тем, именно подвижнические ордена на Западе выработали тот тип аскетизма, который стал предвестником капиталистического «духа».

«В ту эпоху монах — первый человек, который живет разумно, кто работает методично и рациональными средствами для достижения цели, а именно будущей жизни»⁷.

Развивая эту мысль Вебера, Р. Коллинз пишет о том, что «институциональные предпосылки капитализма были разработаны в средневековой Европе не столько в обществе в целом, сколько в одной его специализированной части — церкви»⁸.

Вслед за Вебером Коллинз видит главный «двигатель» церковного «про-токапитализма» в свободе монашеской общины от патриархально-родовых принципов организации, автономной хозяйственной деятельности монастырей, сочетающейся с аскетическим идеалом, и протекающей в рамках рационально организованного канонического права. «Ключевое юридическое изменение произошло в каноническом праве 1200-х годов. В делах, касающихся монастырей и соборных капитулов как как корпоративных единиц, был установлен правовой принцип, что это были юридические лица»⁹. Коллинз считает хозяйственную деятельность монастырей одной из составляющих «вебериянской революцией», называя этим термином процесс зарождения капитализма в Европе.

Внутри РПЦ отсутствовали как автономия монастырей, так и высокий уровень разработанности и рационализации канонического права. После победы иосифлян в споре с нестяжателями все монастыри на Руси стали крупными землевладельцами с зависимыми от них крестьянами, вскоре затем ставшими крепостными. При таких обстоятельствах монастыри,

6 Смолитч И. Русское монашество М. 1997, с. 95

7 Weber M. General Economic History 1950, p. 365

8 Collins R. Weberian Sociological Theory. New York: Cambridge University Press. 1986, p. 47

9 Op. cit., p. 52.

также как и города, не могли служить внутренними «генераторами» развития капитализма.

Вопрос о «капиталистическом духе» монастырей позволяет выявить некоторые отличия российского «пути развития», не только от западного, но и от «восточного».

Тот же Рендалл Коллинз усматривает аналогии «монастырского капитализма» в деятельности средневековых буддийских монастырей в Китае и Японии.

«Если мы сравним буддийский «монашеский капитализм» с его христианским аналогом в Европе, то увидим хотя бы частичное заполнение перечня институциональных факторов «вебериянской революции». Что наиболее важно, буддийские монастыри, подобно цистерцианцам и некоторым другим христианским орденам, действовали как корпоративные предприниматели. ... Буддизм также открыл рынок земли, самого важного фактора производства в аграрной экономике, и первым применил технологии массового производства. Храмы организовали первые финансовые рынки»¹.

Таким образом, очевидно, что и в незападных цивилизациях могли формироваться отдаленные предпосылки развития капитализма, и связаны они были, как и на Западе, с автономными образованиями корпоративного типа, как минимум, в религиозной сфере. Такие образования, либо их прототипы, ассоциируются не только с буддизмом. В исламе, например, имеет место определенное тяготение к автономии различных религиозно-правовых течений, школ, мазхабов и тарикатов, — явление, не имеющее аналогов в православии.

Из этих сопоставлений можно сделать вывод о том, что незападные цивилизации могут отличаться друг от друга по силе отторжения базовых элементов капитализма. Их исторические традиции могут быть как более благоприятными, так и менее благоприятными к его восприятию.

Может быть, именно из этого относительного «плюрализма» вытекает сравнение, подмеченное ТедойСкочпол: «в старорежимной России не было ничего сопоставимого с ростом власти джентри на локальном и провинциальном уровне в Китае после 1840. Будь то помещики или чиновники ... — дворяне в имперской России пользовались меньшей самостоятельностью, автономией политической власти. Они напротив зависели от своих индивидуальных отношений с централизованной государственной машиной...»².

1 Collins R Op. cit. p. 71.

2 СкочполТ. Указ.соч., с. 172

Отсутствие «зон автономии» в социуме является такой же фундаментальной особенностью российской цивилизации, как и подчиненное положение права. Обе они, будучи тесно взаимосвязанными, резко отличают ее от Запада и, напротив, сближают со всеми незападными цивилизациями, хотя и в их ряду российская «безавтономность» выглядит весьма радикальной.

Бурный рост разного рода автономий в России стал возможен только в результате александровских реформ. После октябрьского переворота государство быстро «отмотало» ситуацию с автономии к дореформенным временам. Характерно при этом, что период с 1860-х по 1917 год для развития традиции автономий прошел практически бесследно: глубоко укорениться она не смогла и никакой опасности для возвращения тотального контроля государства над обществом собой не представляла.

Повторное возрождение «общества автономий» началось с конца 80-х годов прошлого века. Как и во второй половине XIX века, государство поначалу поддерживало данный процесс, принимая законодательство, ориентирующееся на европейские образцы. Знаковым в этом отношении было принятие закона о местном самоуправлении, открывшее путь к созданию относительной автономии городов.

Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» был принят на волне либерализации в августе 1995 года³. Первоначальная версия предполагала широкую автономию местных сообществ, включая, в соответствии с Европейской хартией местного самоуправления, право выбора формы его осуществления (например, прямого избрания мэра или совмещение должности главы представительного органа и мэра и назначение сити-менеджера; выборы только по округам, смешанные или по партийным спискам). Кроме того, органы местного самоуправления не входили в систему органов государственной власти, что было закреплено в Конституции. Действительно на практике существовали разнообразные формы, настоящей проблемой осталась лишь финансовая база. В большинстве случаев муниципалитеты были частично или полностью зависимы от региональной власти.

Сворачивание всей этой вольницы началось с середины нулевых годов и пришло к логическому завершению с внесением поправок в закон в конце 2021 года. По словам одного из их авторов, Павела Крашенинникова: в основу нового закона «принцип единства системы публичной власти, который предполагает согласованное действие различных уровней власти как единого целого, во благо граждан, общества, государства»⁴. Сократилось число муниципалитетов. Повсеместно были отменены выборы мэров, муниципалитеты перешли на систему сити-менеджеров, на назначение которых существенное влияние оказывали главы регионов. Еще до

3 Автор (С. Митрохин) был одним из разработчиков этого закона.

4 <https://rg.ru/2022/01/24/pavel-krashennnikov-predstavliaet-proekt-zakona-o-mestnom-samoupravlenii.html>

принятия нового закона к 2019 году прямые выборы мэров сохранялись лишь в семи областных и нескольких районных центрах. Если в 2008 году через прямые муниципальные выборы прошли 73% всех глав российских городов, то к середине 2019 года их осталось не более 12%.¹

В настоящее время происходит коренной перелом базовых основ самостоятельного общества. Контрреформа системы местного самоуправления подрывает базовые элементы городских автономий. Этот процесс, однако, не вызывает практически никакой реакции у жителей российских городов. Как и земская реформа Александра II, спущенная сверху, «муниципализация» 90-х упала на почву полного равнодушия подданных к «духу автономии», лишний раз подтверждая, что этот «дух» не имеет корней в российской традиции².

Не менее печальна история бурного развития такой разновидности автономных корпораций как некоммерческие организации (НКО). Закон об их правах был принят в 1996 году,³ допускалась деятельность, в том числе, иностранных НКО. В период бурного развития некоммерческого сектора в России действовало в 2001 году — 445 732, в 2007 — 675 763 НКО, после пика численность начинает стремительно сокращаться, уже в 2008 году она составила 655 400⁴. Среди действующих были НКО различного профиля, включая правозащитные, экологические, женские, благотворительные, любительские объединения и т.п. Часть из них получала финансирования из западных фондов, что было связано с низкими доходами бюджета и нежеланием государства финансировать их деятельность. Начиная с 2006 года, закон регулярно подвергался правке, все больше усложняя жизнь НКО, в первую очередь по линии отчетности. В 2012 году первый ощутимый удар по НКО нанесли поправки, водящие статус «иностранного агента для организаций, которые «занимаются *политической* деятельностью» и получают «денежные средства и иное имущество от иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства»⁵. Число НКО — иностранных агентов стало стремительно увеличиваться. Часть организаций попыталась далее существовать с таким статусом, обязывающим делать соответствующую маркировку и чрезвычайно усложнившую отчетность. Часть — самоликвидировалась, часть начала действовать как незарегистрированные движения. К концу 2021 года 76 организаций были признаны иностранными агентами, это — преимущественно правозащитные, экологические и женские организации, но — и, например, Альянс врачей, Еврейский благотворительный фонд, Центр независимых социологических исследований, и т.п.

1 <https://www.kommersant.ru/doc/4120109> <https://www.kommersant.ru/doc/4120109>

2 См. об этом ниже — в следующей части.

3 <https://docs.cntd.ru/document/9015223>

4 Динамика развития и текущее состояние НКО в России. Исследовательская группа «Циркон». М. 2009, с. 6.

5 <https://rg.ru/2012/07/23/nko-dok.html>

Но на этом преследование НКО не закончилось. В 2015 году были приняты поправки к Закону об экстремистской деятельности (подробно об этом законе — в части 2), чрезвычайно расплывчато определявшие понятие экстремизма, давшие новые основания для давления на НКО и их запрета. К 2022 году таких организаций было уже 89. Деятельность ряда организаций была приостановлена и даже — запрещена в России, к их числу относится и внесшее неограниченный вклад в исследование политических репрессий и просвещение общество «Мемориал».

Период, отпущенный на «вызревание» зон автономии, оказался еще меньше, чем в позапрошлом веке. Еще одна волна преследований касалась автономий в медиасфере. Контрнаступление на независимые СМИ началось с приходом к власти Путина. Первыми жертвами атаки стали крупные телеканалы, такие как НТВ, затем очередь дошла до более мелких. В 2022 году в связи со «специальной операцией» на Украине были ликвидированы последние более или менее автономные масс-медиа: радиостанция «Эхо Москвы», телеканал «Дождь» и «Новая газета». Был закрыт доступ и к сетевым медиа, включая фейс-бук, твиттер, «Медуза» и многие другие.

Независимые СМИ в России не могут искать поддержки у самостоятельного бизнеса, поскольку последний, в силу вышеописанных традиций и опирающейся на них политики государства полностью отсутствует. В нашей стране и по сей день так и не состоялась «смычка» предпринимательства с гражданскими правами и свободами, порождающая полноценную буржуазию, которая, опираясь на собственную автономию, могла бы проявлять заинтересованность в независимых СМИ. В отличие от западной буржуазии Нового времени, российское предпринимательское сообщество не имеет политической субъектности. Оно основано на смычке с государством и представляет собой не что иное, как бизнес, интегрированный во власть (БИВ).

Что касается независимых бизнес-корпораций, часть из них была ликвидирована или перевела свои активы за границу, а остальные быстро интегрировались в государственные корпорации и иные формы государственного бизнеса.

8. Нет автономии — нет буржуазии

Так можно одновременно перефразировать и дополнить известный тезис Баррингтона Мура: «нет буржуазии — нет демократии».

Отсутствие зон автономии, в том числе и такой важнейшей для прогрессивного развития как городская автономия с ее правами собственности, политическими свободами и самоуправлением, — полностью блокировало в России рождение класса буржуазии.

«Буржуазная идеология никогда не имела у нас силы и не владела русскими сердцами. У нас никогда не было идейно приличного обоснования прав буржуазных классов и буржуазного строя. Буржуазный строй у нас, в сущности, почти считали грехом, не только революционеры-социалисты, но и славянофилы, и русские религиозные люди, и все русские писатели, даже сама русская буржуазия, всегда чувствовавшая себя нравственно униженной...»¹.

«Русской буржуазией» Бердяев называет прослойку коммерсантов, лишённую таких характеристик западной буржуазии, которая делает ее независимым классом. Полная зависимость от монархии (а в современной России — от правящей бюрократии) и отсутствие гражданских и политических прав — вот главное отличие предпринимательской прослойки от класса буржуазии.

В условиях, когда отсутствуют не только внутригородские корпорации, но и сами города не являются автономными корпорациями, неизбежно закрепление монополии на предпринимательскую деятельность за государством, которое может делегировать его различным группам населения по своему усмотрению и точно так же отозвать. Речь при этом может идти только о делегировании предпринимательских функций, саму же по себе «буржуазность» как самосознание, основанное на естественном и неотчуждаемом комплексе прав и свобод, делегировать невозможно.

Практика делегированного предпринимательства была распространена повсеместно, в том числе и на Западе, отличие которого от других регионов мира состояло лишь в том, что, помимо делегированного, в западных странах существовало автономное предпринимательство городов, в некоторых случаях (Англия) феодалов, а кое-где даже сельских общин. Лица, вовлечённые в автономное предпринимательство, как раз и составляли со времен Средневековья прообраз буржуазии.

Шансы на создание буржуазии «сверху» в странах догоняющей модернизации существуют только в том случае, если государство отказывается от делегирования права предпринимательства и вместо него создаёт единые жесткие правила занятия коммерцией для всех членов общества. В России, государство не могло этого делать даже, когда хотело, а это до 2-й половины XIX бывало достаточно редко.

«Царь-самодержец обладал абсолютной властью, право купца или изобретателя получать доход от своего бизнеса или изобретения рассматривалось здесь как некая привилегия, но не как правовая норма, — это была милость, которая давалась человеку и могла быть легко отобрана»².

1 Бердяев Н. Новое Средневековье М. 2008, с. 51.

2 Лорен Р. Грэхэм. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России, с. 99.

По этой причине «Россия пропустила случай создать буржуазию, когда это было еще возможно, то есть на основе мануфактуры и частного капитализма; поздно было делать это в век механизированной промышленности, в которой господствовали акционерные общества и банки. Не имея опыта в более простых формах капиталистических финансов и производства, русский средний класс был не в состоянии участвовать в экономической деятельности, связанной с куда более сложными их формами»³.

«Бурный подъем русского промышленного производства в 1890-х гг., по темпам не имевший себе равных ни до, ни после того, был не столько естественным продолжением внутреннего хозяйственного развития России, сколько следствием пересадки в нее западных капиталов, техники и, главное, западных организаторов индустрии»⁴.

Слова Пайпса о том, что Россия «пропустила случай создать буржуазию» вряд ли следует считать верными. Основываясь на всем, что было сказано выше, следует согласиться с тем, что такого шанса у России не было.

Буржуазия не может существовать без капитализма. В таком случае имеет место всего лишь бесправное предпринимательство, обслуживающее государство. Буржуазия — это не только класс предпринимателей, но и порождение городской составляющей западной цивилизации с ее неотъемлемыми атрибутами в виде гражданских прав и свобод. Она только во вторую очередь социально-экономический, а в первую — цивилизационный продукт. Появиться в других цивилизациях она может только в результате титанических усилий государства, заботящегося о перспективах развития. В России государство никогда не было готово на такой «подвиг». Даже Великие реформы XIX века не смогли привести к появлению реального класса буржуазии. Российская традиция этот западный продукт всегда ожесточенно отвергала, каковому занятию продолжает предаваться и по сей день.

9. Россия: отсутствие рациональной традиции западного типа

Когда Вебер рассуждает о появлении капитализма, он видит главную причину этого явления в феномене «легальной рациональности», который возник исключительно в Западном мире и более нигде. Уникальность Запада Вебер усматривает в том, что только тут можно найти систему формаль-

3 Пайпс, там же, с. 288.

4 Там же, с. 289.

ного права, обеспечивающую основанную на расчете предсказуемость и опирающуюся на рациональное администрирование юстицией. Прослеживая корни этой легальной рациональности, Вебер говорит о римском праве и его рецепции в средневековой Европе, которая дала импульс его рационализации и отделению от религии, т.е. секуляризации.

Если первая часть этого понятия — «легальность» — восходит к римскому праву, то вторая — «рациональность» имеет еще более глубокие корни. Они питаются античной философией и логикой Аристотеля, которые в течение Средних веков и Нового времени переосмысливались в Европе, после чего и породили тот самый менталитет, который, в свою очередь, породил западную «легальную рациональность».

В данном разделе мы коснемся проблемы восприятия (рецепции) в России традиции западной рациональности, но только уже не в правовом, а более широком культурологическом контексте.

Впервые эта проблема со всей определенностью и даже резкостью была поставлена С. С. Аверинцевым в статье «Риторика и истоки европейской литературной традиции»¹. Прослеживая эти истоки, Аверинцев движется в заданной Вебером системе координат. Он говорит о колоссальном влиянии, которое оказал Аристотель на все европейское мышление, сформировав тот фундамент западной рациональности, на которые в Средние века и Новое время надстраивались следующие этажи.

Эта рациональность пронизана беспристрастностью в поиске истины, установкой на диалог и аргументированный спор, в ней уже заложен принцип сомнения, который также стал основой европейского интеллектуального дискурса.

Эта рациональность касается не только логики, но также этики, политики и экономики. В наследии Аристотеля Аверинцев подчеркивает также дух умеренности, и «равноудаленности» от крайностей.

«В области естественного господствует сформулированный Аристотелем закон правильной меры, в соответствии с которым добродетель есть средний путь между двумя порочными крайностями»².

Здесь он подчеркивает очень важный аспект аристотелевской этики, наложивший мощный отпечаток на европейскую интеллектуальную культуру: уравновешенность, сбалансированность системы ценностей, иммунитет к радикализму крайностей.

Так же, как и Вебер, он особо отмечает взаимодополняемость интеллектуальной и правовой традиции Запада. Перекидывая мостик от ра-

1 Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России. М. 1996, с. 319 — 329.

2 Там же, с. 325.

циональности к легальности, Аверинцев пишет: «Сугубый интерес к технике силлогизма, стимулируемый аристотелизмом, далеко не случайно совпал по времени с энергичным возрождением римского права. В области естественного господствует сформулированный Аристотелем закон правильной меры, в соответствии с которым добродетель есть средний путь между двумя порочными крайностями...характеристика добродетели как правильной меры очень важна для построения социальной этики. В этом пункте аристотелизм сотрудничал с римским правом, и совокупное действие этих факторов создавало первостепенное достижение Запада: построение отмеренной дистанции между индивидами в пространстве внеличного закона».

Все, о чем было выше сказано не является достоянием только узкой группы профессоров. «Человек Запада может никогда не читать Аристотеля; никогда не слышать этого имени; может считать себя убежденным противником Аристотеля. И все же он в некотором смысле является «аристотелианцем», ибо влияние аристотелианской Схоластики за столетия определило слишком многое, вплоть до бессознательно употребляемых лексических оборотов». В этой связи Аверинцев говорит об «аристотелизме как внутренней форме западной цивилизации»³, после чего переходит к описанию интеллектуальной ситуации в России, где освоение этой «внутренней формы» так и не состоялось, поскольку вся эта аристотелевская школа вместе другими философскими учениями античности прошли далеко стороной мимо нашей страны.

«В России все было по-другому. История русской культуры сложилась так, что от Крещения Руси до наших дней христианская рецепция Аристотеля даже в византийских масштабах так и не произошла...Аристотель не прочитан образованным обществом России до сих пор»⁴.

Автору этих строк, эрудированному филологу, прекрасно известны множество переводов Аристотеля, книг и статей о нем, написанных в России в XX веке, особенно в советское время. Однако при этом он хочет подчеркнуть, что все эти труды имеют сугубо академическую аудиторию и никогда не оказывали широкого влияния даже на образованную публику, за исключением, может быть, учащихся философских факультетов. Все это несопоставимо с воздействием Аристотеля на Запад, который в своих университетах изучал его почти целое тысячелетие.

Но по сути ведь то же самое можно сказать и о Платоне, Августане, Фоме Аквинском и других европейских мыслителях. Великая Кирилло-Мефодиевская стена отделила Россию не только от римского права, но

3 Там же, с. 329.

4 Там же, с. 327.

и от источников западного рационального мышления, а также связанных с ним направлений этической и политической мысли.

10. «Столкновение цивилизаций»: модернизация и архаика

Заслуга Аверинцева в том, что он первым в России высказал идею, согласно которой отечественный исследователь всемирного культурного наследия не может уклониться от вопроса о том, как игнорирование этого наследия отразилось на судьбах его родины.

Ответ самого Аверинцева можно весьма органично изложить в терминологии Вебера: строгая формальная рациональность как уникальная особенность мышления западного типа в России не прижилась и не укоренилась. И это имело колоссальные последствия не только для отношения России с Западом, но и для судьбы самой России.

Беспристрастный поиск истины — «одной для всех» — являет собой полную противоположность навязыванию *правды*, в которой мы как «народ-богоносец» заведомо уверены без всяких поисков.

В своей статье Аверинцев коротко затрагивает только один из аспектов отсутствия традиций рационального мышления, который напрямую связан с темой настоящего исследования. Речь идет о такой неотъемлемой составляющей капиталистической ментальности и буржуазного этоса, как мораль контракта. Тем самым он прокладывает дорогу к обсуждению исключительно важного вопроса о различии типов менталитета в зависимости от их связи с рациональной античной традицией либо, напротив, отсутствия такой связи.

Прежде, чем обратиться к этому обсуждению, невозможно не обратить внимание на основные причины, порождающие отличия российского менталитета от западного. Как представляется, эти причины коренятся в длительном периоде изоляции России от воздействия западной цивилизации. В условиях этой изоляции в «русском мире» сформировались такие устойчивые социо-культурные структуры, которые уже не смогли измениться с началом интенсивного европейского влияния конца XVII — начала XIX веков.

В то же время, западное влияние не прошло бесследно и, безусловно, послужило причиной создания в российском социуме новых структур. В результате появилось такое сочетание модернизации и архаики, которое с одной стороны конституирует уникальность современной российской цивилизации, а с другой — является тормозом на пути развития русской нации.

Порожденный модернизацией (вестернизацией, в терминологии Вебера — капитализмом) процесс «столкновения цивилизаций» внутри отдель-

ного социума и его последствия — тема, которую вряд ли придется считать хорошо исследованной.

Воспринимая западное влияние, социумы незападных стран реагируют на них по-разному, в зависимости от специфики их национальных традиций, стереотипов, ментальных структур, возможно, даже неких генетических особенностей их этно-национального состава. Какие-то паттерны западной цивилизации усваиваются достаточно быстро и безболезненно, давая стране-реципиенту позитивную отдачу, другие тормозятся, третьи отторгаются, вызывая «традиционалистскую реакцию». Но есть и такие, которые остаются незамеченными, поскольку национальный менталитет их просто не «улавливает».

Прорубив «окно в Европу», Россия быстро освоила западное военное дело, освоение западной культуры привело быстрому развитию и мировому триумфу литературы, музыки, живописи. Успехи и достижения российской цивилизации в этих сферах олицетворяются именами всемирно известных авторов. Заимствованная с Запада наука на русской почве также дала богатейшие всходы. Здесь тоже были свои успехи, зафиксированные не только в России, но и в окружающем ее мире.

Все это — примеры сравнительно быстрого и продуктивного освоения и «творческой переработки» западных паттернов. В тоже время целые пласты западного образа жизни в его экономическом, социальном и политическом измерениях русским менталитетом были отвергнуты. Что же касается принципа верховенства права и связанным с ним комплексом ценностей и институтов, то эта фундаментальная составляющая западной цивилизации, как было показано выше, российской элитой и тем более народом была просто не замечена.

Большой интерес с точки зрения обсуждаемой проблемы представляет книга американского историка Лорена Грэхэма «Сможет ли Россия конкурировать?». Причину вышеупомянутых «русских успехов» он называет на первых же ее страницах.

«Русские — люди необычайно творческие, и это наглядно подтверждают их достижения в музыке, литературе, математике, фундаментальных науках. Русские оказывали и продолжают оказывать значительное влияние на мир искусства, интеллектуальную сферу»¹. «Генетическая креативность» русских людей проявила себя не только в культуре, искусстве и науке, но и в способности создавать технологические инновации. «Мои исследования российских источников дали удивительные результаты, — пишет Грэхэм. Русские действительно построили первый в континентальной Европе паровоз и первый в мире тепловоз. Они действительно первыми осветили улицы крупных городов посредством электричества. Они действительно начали передавать радиоволны до Гульельмо Маркони.

1 Грэхэм Л. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М. 2014, с. 4.

Они действительно построили первый многомоторный пассажирский самолет, и сделали это всего спустя несколько лет после первого полета братьев Райт. Они действительно первыми вывели новый вид растений способом полиплоидизации. Они действительно были пионерами в области разработки транзисторов и диодов. Они действительно первыми опубликовали работу о принципах действия лазера, на десятилетия опередив всех остальных. И они действительно создали первую в Европе электронную вычислительную машину. Хотя утверждение, что они «изобрели» все эти устройства, не вполне корректно, совершенно очевидно: русских с полным правом можно назвать пионерами в области разработки этих технологий¹.

Но далее американский ученый задается вопросом о том, почему русские изобретатели не смогли найти применение своим талантам на родине. «У русских изобретателей не было недостатка в блестящих идеях и оригинальных теориях, однако, чтобы претворить эти идеи в практические, действующие модели, им зачастую приходилось уезжать за границу»².

Ответ Лорена Грэхэма на этот вопрос ожидаем и предсказуем. Российское государство и его бюрократия во все времена привыкли контролировать и регулировать в своей стране все, что связано с обществом, экономикой и производством и отказаться от этого контроля ради свободной встречи изобретателя с предпринимателем оно не могло по определению. Однако, без этой встречи единственным оператором по внедрению инноваций становится само государство, которое отбирает для внедрения только инновации, интересные ему самому, тем самым ставя крест на полноценном техническом прогрессе и развитии экономики знаний.

Государство действует так не по какой-то произвольной прихоти, а в соответствии с ортодоксальными традициями, которые с ним полностью разделяет общество. Как пишет Джоэль Мокир, «интеллектуальные инновации возможны лишь в толерантных обществах, где даже возмутительные идеи, выдвигаемые эксцентричными индивидами, не вызывают яростную реакцию на «ересь» и «отсупничество»³.

Задачу тотального контроля над обществом российское государство решает, в том числе путем отказа от защиты прав изобретателя, т. е. создания эффективного патентного права. Но этот отказ возможен только в таком государстве, где право не играет ключевой роли в регулировании общественных отношений. «Очевидно, что влияние правовой системы на инновации не ограничивается только патентным правом. Предприниматели должны чувствовать себя защищенными

1 Там же, с. 4.

2 Там же, с. 101.

3 Мокир Дж. Просвещенная экономика. Великобритания и промышленная революция 1700–1850 гг. — М. 2017, с. 65.

законом во всей своей деятельности, а не только в использовании инноваций. Люди, обвиненные в преступлении, должны чувствовать, что у них есть шанс на оправдательный приговор. Тот факт, что вся российская правовая система подвержена политическому влиянию и что судьи не являются по-настоящему независимыми, поднимает гораздо более масштабные вопросы, чем законодательство в области патентования и интеллектуальной собственности»⁴.

Под «более масштабными вопросами» американский ученый имеет ввиду все то, что обсуждается нами на этих страницах. Подавление государством любой корпоративной автономии, пренебрежительное отношение к праву, отсутствие независимого предпринимательства и социо-культурного феномена буржуазии — все эти особенности российского социума складываются в кластер торможения западного влияния в любой его трактовке (трансферкапитализма, коммерциализация, модернизация, вестернизация).

Отзывчивость к западному влиянию, вызванная «генетической креативностью» русских, гасится мощным отпором этому влиянию, порождаемым исторически обусловленным «кластером торможения». В результате «креативный класс», создаваемый в российском обществе все новыми и новыми попытками модернизации, постоянно оказывается не у дел (выражаясь более современно: «не при делах»), становится жертвой то непонимания, то прямых репрессий и регулярно пополняет собой все новые и новые поколения «утечки мозгов».

11. Роль традиционной религии в ответе на вызов модернизации

«Кластеры торможения» возникают во многих незападных обществах, подвергающихся западному влиянию. Их специфика определяется особенностями той архаики, которая ставится под удар в процессе модернизации.

Как правило, эта архаика тесно связана с укорененными в данном социуме представлениями о справедливости. Пришествие капитализма порождает ускоренное социальное расслоение, проходящее по таким линиям, которые не легитимизированы традиционным социальным порядком. Новые линии социальных конфликтов и расколов бросают вызов архаическим представлениям о распределительной справедливости.

Ответ на вызов капитализма (модернизации) должен обязательно нести в себе такую контридеологию, в которой ценности справедливости занимают ключевые позиции.

4 Там же, с. 106.

В мусульманских обществах главным фактором отпора (традиционалистской реакции) становится религия, на которую опирается доминирующий в исламском социуме менталитет. И это далеко не случайно. Ислам в полной мере обладает «оружием справедливости», которым можно снабжать борцов с «тлетворным влиянием» Запада. Арсенал такого оружия «хранится» в тех заповедях пророка, хадисах и нормах шариата, согласно которым справедливость должна быть обеспечена не только в потусторонней жизни, но и здесь на земле. Соблюдение базовой справедливости общественного порядка — древняя восточная традиция, идущая еще от законов Хаммурапи.

«Мусульманское право гарантировало жителям Ближнего Востока не только личную свободу, но и юридическое равенство всех мусульман...»¹.

Евангелие как базовый корпус священных текстов христианства развернутой системы правовых предписаний не содержит. Не предлагает оно, соответственно и каких-либо сакральных формул соблюдения справедливости в светской жизни. Более подробно мы писали об этом ранее².

В западном христианстве этот «пробел» восполняется (с большим или меньшим успехом) рецепцией римского права либо систематизацией обычного права, которое тоже не связано с христианством. В православии данный «пробел» не восполняется, вследствие чего исповедующие его народы не имеют возможность поддерживать справедливость при помощи сакрализованных юридических процедур.

Данные сопоставления помогают объяснить, почему в мусульманском мире не существовало аналогов крепостного права (за исключением случаев завоевания мусульман иноверцами, например, монголами). Запрет на порабощение единоверцев напрямую вытекал из религиозных предписаний, получая дальнейшее закрепление в правовых нормах.

Дефицит земной справедливости, ощущаемый в православном мире, приводит к еще одному радикальному отличию от мира исламского, проявляющемуся в периоды трансформации социума под воздействием западной модернизации. Поскольку ислам в значительной мере представляет собой «религию справедливости», постольку в мусульманском мире она является естественной опорой при противодействии западным вызовам, формируя, таким образом, феномен исламского фундаментализма.

Поскольку православие не представляет собой религию (земной) справедливости, постольку оно является слабой опорой для традиционалистской реакции на слишком сильные вызовы западной модернизации. Таким образом, традиционный менталитет в стране, являющейся лидером пра-

1 Большаков, там же, с. 289.

2 Митрохин, Михалева. Там же, с. 53 -58.

вославно мира, отвечая на вызов Запада, должен искать другую кузницу для выковывания «оружия справедливости».

12. Русская ортодоксальность против западной рациональности

В цитированной выше статье С. С. Аверинцева анализируются некоторые последствия того очевидного обстоятельства, что наследие рационального мышления Античности, олицетворяемое фигурой Аристотеля, не было освоено российской интеллектуальной элитой.

Для иллюстрации одного из таких последствий автор статьи обращается к личности Ф. М. Достоевского. «Яростный обличитель Запада, он ненавидел самый дух морали контракта, в котором угадывал суть западной ментальности, считал его безнадежно несовместимым с христианской братской любовью...»³.

В самом деле, практика заключения коммерческих контрактов, а затем и их соблюдения требует от контрагентов определенных характеристик личности, поддерживаемых и одобряемых социальной средой, в которой они заключают свои сделки. Обобщенно эту совокупность качеств обозначает веберовское понятие «рациональности», предполагающее «плановое использование материальных средств или личных усилий для получения прибыли таким образом, чтобы исчисленный в балансе конечный доход ..., выраженный материальными благами в их денежной ценности, превышал «капитал»⁴.

Совершенно ясно, что даже сама подобная формулировка глубоко противна глубинным установкам «русской души». В связи с этим было бы уместно напомнить, что капитализм даже на самой ранней стадии получил развитие, в частности, в средневековой Италии, в значительной мере по той причине, что «договоры и контракты регулировали жизни республик»⁵.

То же самое, разумеется, можно сказать и о других европейских странах того периода. На одном только этом примере можно показать, как западная традиция рационального мышления, лежащая в основе контрактов и договоров, а шире — формирования капитализма — далека от российских традиций, которые по описанному выше причинам формировали принципиально иную — антибуржуазную и антикапиталистическую — ментальность.

К «морали контракта», которую отвергает широкая «русская душа», можно много что добавить. Ей сопутствуют такие свойства европейского

3 Аверинцев. Там же, с. 328

4 Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма. Экономическая социология. М. 1905, с. 5.

5 Патнэм. Там же, с. 158.

характера как трезвый расчет, всесторонний критический анализ, декартовский принцип «подвергай все сомнению», свобода от эмоций, избегание крайностей, соблюдение принципа «золотой середины», согласно которому «любое достоинство выражается не слишком сильно и не слишком слабо»¹.

Речь идет, разумеется, о доминирующем «идеальном типе» западного менталитета, если использовать один из базовых методологических конструкций Вебера. В таком случае, отрицание всех этих признаков западного менталитета, скорее всего, лежит в основе «идеального типа» традиционалистской реакции «русской души» на вызовы капитализма.

Обобщить это многое, что «несовместимо с христианской братской любовью» и другими свойствами «русской души» можно словом «буржуазность». Ведь социальный феномен «бюргера» и «буржуа», также, как и соответствующий класс, согласно Веберу, не существовал нигде, кроме Запада. Не было ничего подобного (кроме отдаленных «прообразов») и в России, где слово «буржуазия» по сей день употребляется исключительно с негативным акцентом.

По причине полного отрыва от традиций европейской рациональности и изоляции от социальных и политических процессов, протекавших в средневековой Европе, российская ментальность сформировалась как антибуржуазная и антикапиталистическая.

Нечто подобное произошло и в исламском мире, несмотря на то, что в период своего роста и могущества в раннем Средневековье он был открыт к усвоению античного наследия. Сначала крестовые походы, а затем монгольское нашествие заставили мусульманские элиты, отказавшись от «чуждых» влияний, обрести единственную опору в собственной исконной религии, отставив ее чистоту в борьбе с носителями иных конфессий внутри ислама. Итогом этого «поворота вовнутрь» стало формирование идеального типа исламской ортодоксальной личности, сыгравшей ключевую роль в защите мусульманского мира от натиска западной модернизации.

Русская ортодоксия также естественным образом опирается на свою национальную традицию — православие, которое в переводе с греческого и есть «ортодоксия».

Отличие заключается в том, что в истории России идеальный тип ортодоксальной личности не являлся продуктом ее внутренней эволюции, а был навязан извне. После принятия христианства его занесли на Русь византийские миссионеры, которые навязали ей наиболее жесткий и фанатичный — даже по меркам самой Византии — вариант православия².

Для ортодоксальной личности «характерна ярко выраженная религиозность, вера в авторитет, следование заранее установленным жестким

1 Левит Л. З. «Золотая середина» и «любовь к себе»: что же имел в виду Аристотель? // Сборник центра научных публикаций: «II Летние чтения». Киев: Центр научных публикаций, 2014, с. 93.

2 Митрохин, Михалева, там же, с. 20 -25.

догматам, абсолютная уверенность в собственной правоте, нетерпимость к иной точке зрения, черно-белая картина мира, постоянная ненависть к заранее установленному и неизменному «образу врага» и другие установки, сопутствующие всему этому»³.

Изоляция от западных влияний означала полное отсутствие культуры диалога и критического мышления, которая могла бы послужить хотя бы минимальным противовесом ортодоксальной категоричности. «Русские все склонны воспринимать тоталитарно, им чужд скептический критицизм западных людей»⁴.

Это, несомненно, та черта национального сознания, которая была «за-сеяна» в него византийскими миссионерами, но впоследствии дала свои всходы не только в традиционно религиозном, но и в посттрадиционном секуляризованном менталитете. Николай Бердяев отмечает данный тип личности в среде русской радикальной интеллигенции и ее конкретных вождях:

«Ленин был революционер до мозга костей именно потому, что всю жизнь исповедовал и защищал целостное, тоталитарное миросозерцание, не допускал никаких нарушений этой целостности. Отсюда же непонятная на первый взгляд страстность и яростность, с которой он борется против малейших отклонений от того, в чем он видел марксистскую ортодоксию ... Будучи материалистом, Ленин совсем не был релятивистом и ненавидел релятивизм и скептицизм, как порождение буржуазного духа. Ленин — абсолютист, он верит в абсолютную истину»⁵.

Двумя особенностями этой ортодоксальности является ее жесткая антизападная заостренность и ярко выраженный «мессианский» характер. Непримириемое антизападничество восходит своими корнями к резко антикатолическим воззрениям «киевских греков»⁶. Заложенное агрессивное отношение к Западу является неотъемлемым элементом русской ортодоксии как в ее религиозном, так и пострелигиозном варианте, а в периоды модернизации станы становится важнейшим инструментом противодействия ей.

Другим элементом русской ортодоксии с начала XVI века является комплекс мессианского превосходства, как он был назван нами ранее⁷. Данный комплекс сформировался на базе монопольного «обладания истиной», т. е. абсолютного доминирования России в православном мире после падения

3 Там же, с. 23.

4 Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж. 1955, с. 18.

5 Там же, с. 97 -98.

6 Митрохин, Михалева. Там же, с. 22.

7 Там же, с. 24 -25.

Константинополя. Базовая формула этого комплекса: «Москва — Третий Рим, а Четвертому не бывать!»

Этот комплекс «безусловной правоты» русского народа, которую он, пытается доказать всему окружающему миру — как правило безуспешно, что со временем вызывает его «конвертацию» в комплекс «национальной неполноценности». Последняя реинкарнация мессианского комплекса в настоящее время активно задействована режимом Путина в противостоянии уже не только Западу, но и всему остальному миру.

Чем интенсивнее нарастало воздействие Запада на культурную и социальную жизнь России, тем больше агрессивная антизападная ортодоксальность выдвигалась на передний фронт противодействия этому вызову. Русская ортодоксия в XIX веке выработала национальную разновидность фундаментализма, творцом которого стала часть русской интеллигенции.

Процитируем еще раз, что Аверинцев говорит про Достоевского: «яростный обличитель Запада, он ненавидел самый дух морали контракта». «Яростное» обличение не вписывается ни в какие параметры западного «аристотелизма». Но оно — один из отличительных признаков русской интеллектуальной культуры — вместе с неуравновешенностью и несбалансированностью системы ценностей, склонностью к радикализму, отсутствием принципа сомнения в интеллектуальном дискурсе и т. д.

В качестве штриха к этому различию приведем беглое сравнение Бердяева между западным и российским социалистом: «Маркс был интеллектуален, он придавал огромное значение теории, философии, науке, он не верил в политику, основанную на эмоциях, он придавал огромное значение развитию сознания и организации. Бакунин исключительно эмоционален, враждебен всяким интеллектуальным теориям»¹.

Все эти «незападные» и «антизападные» психологические особенности характерны для российской интеллигенции конца XIX — начала XX века, независимо от того, к какому идеологическому вероисповеданию они относятся. Достоевскому все эти проявления «широты» русской души свойственны не в меньшей степени, чем революционерам, которых он обличает в «Бесах». Между автором этого романа и его героями, впрочем, есть одно важное отличие. Ортодоксия Достоевского опирается на традиционную православную веру, в то время как не менее категоричные, агрессивные и не менее антибуржуазные ортодоксы из круга «бесов» не могут удовлетвориться таким «руководством к действию» как Евангелие.

Как уже говорилось выше, христианская религия, в отличие от ислама, не содержит в себе сколько-нибудь сильных ответов на вызовы несправедливости, лавина которых нарастает в связи с трансфером западного капитализма. В этой ситуации ортодоксальная личность переживает кризис, получивший в русской литературе название «нигилизм», а затем соверша-

1 Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма, Париж. 1955, с. 55.

ет «переоценку ценностей», которая приводит к замене Евангелия на новые «катехизисы»². Один из них известен как «Катехизис революционера» Сергея Нечаева.

Процесс создания на Руси новых ортодоксальных догм под влиянием западных интеллектуальных течений также хорошо описывает Николай Бердяев. Он очень точно подмечает амбивалентность реакции национального менталитета на внешние вызовы: «Русские обладают исключительной способностью к усвоению западных идей и учений и к их своеобразной переработке»³.

В связи с этим можно вспомнить о том, что говорилось выше о продуктивных синтезах русского «генетического капитала» с западной культурой и выдающихся результатов этих синтезов в виде вклада в мировую культуру (идеи тоже суть часть культуры). Но сразу же после этого высказывания Бердяев пишет о противоположной, тормозящей развитие установке национального менталитета: «усвоение западных идей и учений русской интеллигенцией было в большинстве случаев догматическим. То, что на Западе было научной теорией, подлежащей критике, гипотезой или, во всяком случае, истиной относительной, частичной, не претендующей на всеобщность, у русских интеллигентов превращалось в догматику, во что-то вроде религиозного откровения»⁴.

В отличие от исламского фундаментализма, русский не требует тотального отказа от всего западного. Вместо этого он выхватывает из огромного разнообразия западных идей такие, которые более всего удовлетворяют его радикальным запросам, и начинает им поклоняться с неистовством, с которым раньше на Руси поклонялись православным иконам.

В XIX веке языковые и религиозные барьеры уже не актуальны. Распространяется знание европейских языков и появляется масса переводов. Но Аристотель, как писал Аверинцев, все равно остается незамеченным образованной публикой. Он глубоко чужд и неинтересен, потому что, как говорит Бердяев, «русская душа стремится к целостности, она не мирится с разделением всего по категориям», т. е. тем самым разделением, на котором строится философия Аристотеля. «Она стремится к Абсолютному и все хочет подчинить Абсолютному, и это религиозная в ней черта».

По той же причине безразличен русским интеллектуалам и Декарт. «Методическое сомнение Декарта мало подходит к нигилистам, да и вообще к русской природе. Типический русский человек не может долго сомневаться, он склонен довольно быстро образовывать себе догмат и целостно, тотально отдавать себя этому догмату»⁵.

Исходя из этой склонности, русский интеллигент не мог не восхититься социалистическими учениями, спустившими Царство Божие с небес на

2 Митрохин. С. Модернизация... Там же, с. 52-56.

3 Бердяев, там же, с. 18.

4 Там же, с. 18.

5 Там же, с. 37.

землю и, в конечном счете, нашедшими для этого Мессию в виде пролетариата.

Николай Бердяев был первым автором, который обратил внимание на то, что тип русского менталитета, доминировавший в русской интеллигенции в конце XIX – начале XX, был фактором, консервирующим архаику в народных массах и тем самым блокирующим модернизацию России, придающим русской революции антибуржуазный и антикапиталистический характер. «Утопистами и фантазерами были кадеты. Они мечтали о каком-то правовом строе в России, о правах и свободах человека и гражданина в русских условиях. Бесмысленные мечтания, неправдоподобные утопии! Большевики оказались настоящими реалистами, они осуществляли наиболее возможное, действовали в направлении наименьшего сопротивления, они были минималистами, а не максималистами. Они приспособлялись к интересам масс, к инстинктам масс, к русским традициям властвования».

«Самый большой парадокс в судьбе России и русской революции в том, — пишет он уже в другой работе, — что либеральные идеи, идеи права, как и идеи социального реформизма, оказались в России утопическими». «Большевизм же оказался ... наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилем. ... Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа»¹.

Идя вразрез со множеством голосов, на разные лады превозносивших «прогрессивность» советского строя, Бердяев прямо называет его современной реинкарнацией деспотического самодержавия. «Как это парадоксально ни звучит, но большевизм есть третье явление русской великодержавности, русского империализма, — первым явлением было московское царство, вторым явлением петровская империя»².

Возникшая таким образом советская империя была гораздо более реакционным явлением, чем царская Россия накануне своего краха. Ведь в царской России довольно четко обозначились и усиливались тенденции модернизации, импульс которым придали Великие реформы 60-х. Бердяев пишет о подтверждении большевиками двух базовых принципах российской традиции, обозначившиеся со времен Московии: ортодоксальности и неограниченного властного насилия: «Старая русская монархия покоилась на ортодоксальном мирозерцании, требовал согласия с ним.

¹ Там же, с. 93.

² Там же, с. 100.

Новое русское коммунистическое государство тоже покоится на ортодоксальном мирозерцании и требует *еще с большей принудительностью* и согласия с ним (выделено нами, — С.М., Г. М.)»³.

Однако, к этим элементам мы можем добавить и другие, обсуждающиеся в рамках данного исследования: верховенство пострелигиозной «правды» над правом, разделяемый властями с народом правовой нигилизм, отсутствие зон автономии, агрессивное антизападничество, антибуржуазность и антикапитализм, мессианизм. Весь этот «кластер торможения» вполне можно назвать применяемым Бердяевым термином «русская идея».

«Русский коммунизм, если взглянуть на него глубже, в свете русской исторической судьбы, есть деформация русской идеи, русского мессианизма и универсализма, русского искания царства правды, русской идеи, принявшей в атмосфере войны и разложения уродливые формы»⁴.

С нашей точки зрения, более точным было бы назвать этот процесс не деформацией, а трансформацией. Отвечая на вызов западного капитализма, российская цивилизация трансформировала свои основы и претерпела реинкарнацию, отказавшись от исторической перспективы долгосрочного прогресса. В свете этой трансформации слово «революция» обрело свой первоначальный смысл, заложенный в латинском *revolution*, как причасти глагола *revolver*, означающего «катить назад», «возвращаться»⁵.

13. От превосходства к неполноценности: трансформация мессианского комплекса

Эволюция российского государства и общества в XXI веке шла по той же траектории, что и революция первой половины XX-го, т. е. путем «возвращения назад». За 20 лет правления путинская бюрократия сделала то же самое, что большевики во главе с Лениным за считанные годы: вычистила из российской цивилизационной модели все, что было связано с европейской модернизацией, полностью восстановив все основные параметры деспотии восточного типа.

Ортодоксальный менталитет как доминирующий тип русского сознания снова был задействован для достижения этой цели, хотя за прошедшее столетие и он подвергся определенной трансформации. Попытаемся очень кратко и сжато обозначить ее основные направления.

3 Там же, с. 117.

4 Там же, с. 126.

5 Шульц Г. Латинско-русский словарь СПб. 1898, с. 481.

Начать надо с того, что существенно изменилась сама ортодоксальная доктрина — «единственно верное учение», которое навязывается обществу «с принудительностью». Теперь это уже не догматический марксизм, требующий для освоения определенных интеллектуальных усилий, что делает необходимым его изучение в ВУЗах, а достаточно примитивный набор взглядов и установок, транслируемых в общество через государственные СМИ.

Претерпел изменение набор ценностей, к которому апеллирует новейшая ортодоксия. Концепт *справедливости*, игравший столь важную роль для антикапиталистической ортодоксии прошлого века, не мог сохранить актуальности в условиях одного из самых высоких в мире уровней социального расслоения, которое демонстрирует современная Россия. Вызов модернизации в наше время уже не может провоцировать обостренное чувство несправедливости, так как за минувшее столетие капитализм продемонстрировал значительное продвижение на пути социального прогресса. В то же время следует отметить, что концептуравнительной справедливости остается крайне актуальным для той части общества, которая ностальгирует по временам СССР и продолжает ориентироваться на коммунистическую партию.

Традиционалистская реакция на западные вызовы теперь формируется не в интеллигентской контрэлите, как это происходило в период упадка Российской империи, а в первую очередь в правящей элите. Главную угрозу она видит в разрушении традиционных коллективистских устоев, связанных с архаическими представлениями об уравнительной справедливости, а традиций авторитарического правления, необходимого для сохранения результатов перераспределения национальных богатств в результате реформ 90-ых годов.

Главным стимулом отказа от курса на модернизацию России является стремление сохранить властные и доходные позиции правящей элиты. С этой целью используется набор инструментов, подобранный из арсенала, разработанного в ходе развития российской цивилизации в течение полутысячи лет ее существования.

Имажинарий той *правды*, которая сформировалась в России в XXI веке, состоит из таких элементов как радикальный консерватизм, культ Победы в Великой отечественной войне (ВОВ), навязывание ортодоксии РПЦ, имперский реваншизм. С новой силой востребована агрессивная ксенофобия, нацеленная против Европы, США, но с наибольшей агрессивностью — против стран — бывших республик СССР, отказывающихся пойти «под руку» Москвы. На этот раз западничество сочетается уже не с мессианским комплексом, а с комплексом национальной неполноценности. Это и есть те «духовные скрепы», почти во всем напоминающие те, о которых в конце XIX — начале XX века писали Василий Ключевский и Николай Бердяев.

Как следствие провала попыток установить в России господство упоминавшейся выше триады «рациональность-легальность-автономия» в правящих кругах активно возрождается триада Сергея Уварова: православие, самодержавие, народность. Владимир Жириновский и другие депутаты пою при появлении Путина «Боже, царя храни!», а сам Путин летом 2019 года перед саммитом G 20 заявил о «смерти либерализма»¹. Смысл антизападных установок по сравнению с временами СССР, сместился от обличения несправедливого общественного строя к критике западных ценностей, осуждению идей и практик, «подрывающих наши традиционные ценности».

Имперские идеи², опирающиеся на концепцию евразийства до 2000-ых годов были уделом национал-патриотов, консервативно и реакционно настроенных. Однако понятие «империя» стало применяться все чаще, превратилось в норму политической жизни. Реконструированный традиционализм в сочетании с относительно устойчивыми особенностями географии, хозяйства, культурных традиций в России способствуют воспроизводству имперского синдрома, о чем пишут Эмиль Паин и Сергей Федюнин³. В комплекс этих идей входят представления о «крепости — Россия»⁴ и «острове — Россия»⁵, особой духовности российского народа, сохраняющего традиционные ценности и его духовной миссии, возложенной на народ — мессию, который должен спасти человечество «русским духом»⁶. Активными пропагандистами этих идей были писатель Александр Проханов и философ Александр Дугин⁷. При этом у Проханова до советский, советский и постсоветский период сливаются воедино и мифологизируются, создавая картину борьбы со злом, исходящим с Запада, а Россия предстает как образец духовности и добра. Эти позиции институционально развивает Изборский клуб⁸, объединивший в 2012 году интеллектуалов — консерваторов, участие в котором принимает и бывший министр культуры Владимир Мединский.

Эти идеи восходят к концепции Ивана Ильина⁹, понимавшего Россию как органическое целое, важнейшей частью которого является география, она уникальна и обречена на вечное одиночество, хотя способна и к экономическому росту. Именно Ильина в последнее время часто цитируют Владимир Путин и его окружение. Этот феномен — возвращение к идеям

1 Ведомости. 2019. 27.06.

2 Подробнее об этом: Митрохин, Михалева. Там же, с. 97 -144.

3 Паин Э., Федюнин С. Нация и демократия. М. 2017, с. 199 — 205.

4 Леонтьев М., Невзоров А. Крепость Россия. М.: Эксмо. 2008.

5 Цымбурский В. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993 -2006. М.: РОССПЭН. 2007.

6 Рубцов А. Третий Рим и далее — везде// Ведомости. 2019. 12.07.

7 См., например: Дугин А.Г. Геополитика. М.: Академический проект, 2011; он же: Евразийский реванш России. М.: Алгоритм. 2014.

8 Umland A. Analyse: Neurechtsextreme Intellektuellenzirkeln Putins Russland: das Anti-Orange Komitee, der Isborsk-Klub und der Florian-Geyer-Klub. «Bundeszentrale für Politische Bildung», 03.05.2013

9 Ильин И. Россия есть живой организм// Русская идея. Республика. М. 1992.

изоляция — с одной стороны и империи и противостоянию Западу — с другой. Именно эта концепция, начиная с 2014 года, становится доминирующей и активно пропагандируется в средствах массовой информации, а «русские европейцы» и либералы превращаются в изгоев, иностранных агентов, экстремистов, а с апреля 2022 года по выражению пресс-секретаря президента Дмитрия Пескова во «врагов государства»¹.

Представители этого направления ратуют за имперское расширение в рамках Евразии и реинтеграции республик бывшего СССР и противостояния Западу. Эта позиция впервые была ясно сформулирована в Мюнхенской речи Путина в феврале 2007 года²: Россия — страна с более, чем тысячелетней историей, всегда пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику и не собирается изменять этой традиции.

Сразу же после этого внешняя и военная политика была ориентирована на территориальное расширение и (сначала) — поддержание де-факто государств (Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья) и проигранной Грузией «пятидневной войны» 2008 года. На повестке дня были такие методы давления, как торговые войны и газовые конфликты.

Поворотным событием для внешней и внутренней политики России стала аннексия Крыма в 2014 году. Организация «референдума» под присмотром российских военных нарушала не только договор о безъядерном статусе Украины 1994 года, но и Устав ООН. Одновременно были захвачены административные здания Донецкой и Луганской областей Украины, были провозглашены два новых де-факто государства — ЛНР и ДНР, начались военные действия Украины против ополченцев этих территорий, которые получали военную и гуманитарную помощь России. Введение санкций после присоединения Крыма усилило антизападный вектор российской политики. Россия была исключена из G 8. Российское телевидение превратилось в инструмент пропаганды и разжигания ненависти против Украины, Грузии, США, стран ЕС.

Россия вернулась к активной роли в разрешении конфликтов между странами (три войны в Нагорном Карабахе)³, так и внутри стран (кратковременное введение войск в Казахстан в 2021). Вернулась она и к ведению полномасштабных военных действий на территории других стран (Сирия) и созданию там военных баз.

Летом 2021 Путин в своей статье обосновал причины военной операции в Украине⁴, в которой он отказывает Украине в праве самостоятельного существования, считая ее «проектом Запада» и сам ходом военных действий. Началась пропагандистская подготовка на телевизионных каналах,

1 <https://rg.ru/2022/04/02/peskov-raziasnil-situaciiu-s-vragami-gosudarstva.html>

2 <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

3 Люхтерхандт О. Нагорный Карабах: борьба за независимость и междлнуродное право. М.: Издательскиерешения, 2022.

4 <https://ru.wikipedia.org/wiki/Kremlin.ru>

а 24 февраля 2022 года — и сама «специальная военная операция» в Украине, результатом которой стали тысячи жертв, и города, стертые с лица земли и уже к началу апреля — 4 миллиона беженцев. Была развязана первая, после Второй мировой, полномасштабная война в Европе.

Имперская власть направлена на расширение территории страны. Культивируется и насаждается комплекс стереотипов массового «подданнического», в терминологии Алмонда и Вербы, сознания, сохраняющего этатистские ценности⁵.

Важнейшим инструментом российского имажинария-21 является мифологизированный нарратив о наиболее крупной «истории успеха» новейшей истории России-СССР — победе в Великой Отечественной войне. Культ Победы, естественным образом сформировавшийся в послевоенном Советском Союзе, с начала XXI века получает «второе дыхание», претерпевая все новые и новые стадии государственной сакрализации: парады Победы устраиваются каждый год, а не в юбилейные годы, как в XX веке, ее почитание возводится в разряд высших патриотических ценностей в Конституции. Данное усиление не является случайным, если обратить внимание на тот факт, что после победы в ВОВ в 1945 году и полетом первого человека в космос в 1961-м российская нация не подарила миру ни одного сколько-нибудь достижения, значимого для всего остального человечества. Именно поэтому по мере удаления этих событий во все более далекое прошлое их значимость в национальном самосознании возрастает. Победа над фашистской Германией обречена на бесконечное усиление сакрализации в государстве, которое никакими другими достижениями за последние 60 лет похвастаться не может.

Перехваченная и огосударствленная инициатива томских активистов «Бессмертный полк» — шествия с портретами родственников — участников войны дополняется мероприятиями в школах и детских садах, парадами колясок, облачением младенцев в военную форму. Создана Юнармия, возрождены милитаризованные ролевые игры по типу советских «Зарниц», проводятся уроки патриотического воспитания. На ветровых стеклах автомобилей не только надписи «Спасибо деду за Победу», но и — часто «На Берлин!» (в том числе — на немецких автомобилях) и «Можем повторить». Милитаристский угар неизбежно усилился с началом военной операции в Украине, были введены новые символы: буквы Z и V, использованием которых в виде значков, стикеров, надписей на зданиях и военной технике и сооружений, которые демонстрировали поддержку военных действий.

При этом полностью выхолощена память о войне как о трагедии и практически забыты немногие еще живущие ветераны. В 2021 году в списке на получение положенных им квартир еще находилось 248 ветеранов войны⁶.

5 Паин, Федюнин. Там же, с. 196 - 199.

6 https://aif.ru/realty/city/bitva_zhilyo_pochemu_veterany_voyny_vsyoy_eshchyo_nuzhdayutsya_kvartirah

Еще одной важнейшей «скрепой» качестве элемента в данном комплексе востребована традиционная роль православной религии. «Возвращение пройденного», так назвали мы этот феномен в работе «По колее особого пути»¹. Власть тесно связана с РПЦ, ее представители — советники в комитетах и комиссиях Государственной Думы и оказывают существенное влияние на законодательный процесс (например, принятие об оскорблении чувств верующих, введение т.н. «недели тишины» перед операцией искусственного прерывания беременности, декриминализация семейного насилия и т.д.). Президент, председатель Правительства, мэр Москвы показательно присутствуют на торжественных службах и регулярно встречаются с Патриархом. В свою очередь РПЦ поддерживает власть во всех ее начинаниях, включая силовые решения, например, военную спецоперацию в Украине. Власть поддерживает церковь финансово, отдавая ей церковные здания, используемые как музеи, поддерживая строительство новых храмов (программа 200 храмов шаговой доступности в Москве), вводятся в противоречие 14 статье Конституции («Российская Федерация» — светское государство) уроки православия в школе. Церковные иерархи и сам Патриарх демонстрируют напоказ свое богатство, что стало основанием для многих независимых расследований и скандалов. В отличие от остальных организаций и граждан, РПЦ никогда не отказывают в организации массовых акций — крестных ходов, молебнов, стояний и т.п. РПЦ курирует и поддерживает финансово активные группы православных активистов: «Божья воля», «Православные хоругвеносцы», пролайферов, которые ведут агрессивные кампании против феминисток, групп ЛГБТ, борются с абортами.

Культ РПЦ тесно связан с культом армии. В 2020 году был открыт Главный храм вооруженных сил Российской Федерации. Высота храма вместе с крестом составляет 95 метров. Это один из высочайших православных храмов России и мира. Площадь храмового комплекса — 11 тыс. м². Вместимость внутреннего помещения храма — до 6 тысяч человек². Храмовый комплекс вызвал массу критических замечаний: «Вид у него агрессивный, «все пропитано милитаризмом». Некоторых смутила именно приставка «войсковой», то есть военный в отношении «объекта церковного культа». Ну и дальше — широкое поле для критики. Храм приравнили к военному мемориалу, возведенному с идеологическими и патриотическими целями. Некоторым высокий храм с куполами (высота вместе с крестом по проекту составила 95 метров) напомнил ракеты. Кто-то даже заявил, что этот храм не что иное, как «китчевый памятник эпохи с фейковыми сюжетами»³. Кроме того, армия вернулась к институту полковых священников. В 2010 году Министром обороны Российской Федерации — России подписано поло-

1 Митрохин, Михалева, там же, с. 135 -144.

2 Патриархия. Ру. 19 сентября 2019 года.

3 <https://vz.ru/society/2020/6/22/1045738.html>

жение «Об организации работы священнослужителей с военнослужащими в воинских частях Российской Федерации», на основании чего в вооружённых силах вводится должность полковых священников⁴.

По-прежнему, как и на протяжении всех веков российской традиции, исключительно сильна роль антизападных установок, в которых акцент смещается от обличения капитализма к осуждению идей и практик, «подрывающих наши традиционные ценности». Навязывание обществу комплекта «традиционных ценностей» происходит с соблюдением всех традиций правового нигилизма, бесцеремонно диктующего свою волю законодательству: вводится цензура на «неканонические» нарративы о Великой Отечественной войне, во избежание дискредитации Победы запрещается сравнение СССР и фашистской Германии; для укрепления позиций РПЦ вводится наказание за «оскорбление чувств верующих», зарубежные контакты караются ярлыком «иностранный агент».

В то же время в конструкции российской «правды» XXI века появился новый элемент, который отсутствовал (либо имел место в зачаточном варианте) в предшествующих фазах развития российской цивилизации (московской, петербургской, советской).

В нашей предыдущей работе⁵ мы уже писали о формировании в Московской Руси мессианского комплекса, связанного с доминированием русских в православном мире. Впоследствии это упоение от обладания «единственно верной» истиной («правдой»), излагавшейся в православном катехизисе, было преобразовано большевиками в «единственно верное» учение, разъяснявшееся в газете «Правда».

Данное упоение со времен Московии отождествлялось с территориальным расширением государства, а впоследствии — с огромными размерами империи. Падение СССР нанесло по этому мессианскому комплексу крайне болезненный удар, в результате которого он претерпел трансформацию и превратился в комплекс национальной неполноценности и реваншизма.

По итогам социологического опроса, проведенного в 2012 году, руководитель Левада-Центра Лев Гудков констатирует: «за последние 16 лет ... наблюдается некоторый рост русского самоутверждения... В том, что укрепить положение страны в мире можно с помощью сильных патриотических настроений в России, уверены 65% респондентов...»⁶.

Причину этому Гудков видит не только в крахе СССР, но и в резком репеде уровня жизни между Россией и Западом, который за 20 лет не удалось преодолеть. «Структура национального сознания построена на балансировании между Западом и невозможностью с ним сблизиться, что

4 <https://www.rusfront.ru/3393-polkovye-svyaschenniki-v-rossiyskoy-armii.html>

5 Митрохин, Михалева, там же, с. 88.

6 Кузьменкова О. Были «советские», стали «православные». Комплекс национальной неполноценности у россиян стал «непроходящим», пришли к выводу социологи gazeta. ru 20. 11. 2012

обнажает «травму незавершенной модернизации», «травму распада империи»¹.

Подобные комплексы в прошлом неоднократно использовались радикально консервативными политическими силами для мобилизации поддержки широких масс. Наиболее яркими примерами таких стратегий являются итальянский фашизм и немецкий нацизм прошлого века. Данный комплекс дал о себе знать сразу же после неудачных реформ начала 90-х. На первых выборах в Государственную Думу победила, набрав 22,92 %, политическая сила, которая сделала ставку именно на разжигание чувств национального реванша — ЛДПР Владимира Жириновского. Однако ключевую роль в укреплении этого комплекса в национальном самосознании сыграло само государство, увидев в нем эффективный инструмент контроля над обществом.

В криминальном боевике «Брат 2», вышедшем в прокат в 2000 году главный герой в диалоге с американцем произносит тираду о том, что «сила в правде: у кого правда, тот и сильнее». Характерно при этом, что понятие «правды» никак не разъясняется.

Данила Богров представляет собой идеал сильной личности, поэтому в фильме он является носителем комплекса национального превосходства. Огромная популярность фильма, по-видимому, связана с ностальгией по этой «сильной позиции», которую демонстрирует представитель криминала, в то время как обычный обыватель ее давно утратил.

Под влиянием ряда внешнеполитических обстоятельств (в первую очередь вызовов, пришедших с украинского Майдана), руководство России стало активно поддерживать и укреплять этот комплекс в той части общества, которая сохранила наиболее тесную связь с традиционными структурами национального сознания с одной стороны и была фрустрирована вызовами постсоветского развития — с другой.

Огромную роль при выборе данной стратегии сыграло так называемое «сырьевое проклятие». Кажущиеся неисчерпаемыми сырьевые богатства страны позволяют ее руководству рассчитывать на то, что в мировой конкуренции она в состоянии выживать и побеждать, демонстративно отвергая основные завоевания цивилизации, которые были порождены западным капитализмом, но уже давно превратились в универсальные условия развития. Зависимость российской экономики от продажи ресурсов, в первую очередь нефти и газа — тормоз модернизации и, как и во всех «нефтяных государствах», препятствует развитию демократических институтов, т.к. позволяет повысить (хотя и в разной степени — от минимума для «простых» граждан до миллиардов для представителей крупного бизнеса, близкого к власти) уровень жизни².

1 Там же.

2 Russian Challenges. Between Freedom and Energy/ Eds. G. Michaleva and A. Ryabov. Bern. 2011.

Эксплуатация комплекса национальной неполноценности в сочетании с вырастающей из него психологии «осажденной крепости» оказалась весьма эффективной для консолидации огромной части общества вокруг правящей элиты и ее лидера.

Необходимая для «подпитки» данного комплекса агрессивная ксенофобия неумолимо транслируется через государственные телеканалы, а поводы для ее разжигания черпаются во внешней политике, которая также направлена на поддержание в гражданах России представлений о враждебном отношении к ним окружающего мира и творимых им в связи с этим несправедливостях.

Задача укрепления комплекса национальной неполноценности является одной из главных причин осуществления территориальной экспансии в 2014 году и военного вторжения в Украину в 2022.

На момент написания данной работы агрессивная ксенофобия находится на пике своего влияния на граждан России и, несомненно, играет ведущую роль в «имажинарии» очередной «правды» формирующегося тоталитарного государства.

В рамках данного исследования важно подчеркнуть, что комплекс национальной неполноценности в активизированном состоянии не только несовместим с базовыми ценностями западной цивилизации, но и открыто им враждебен. В XX веке он даже послужил причиной разрыва Германии и ряда других европейских стран с основами этой цивилизации, и данную попытку оказалось возможным пресечь только силовым путем.

В настоящее время комплекс национальной неполноценности является одной из «скреп» путинской России, это, по сути, единственный ресурс мобилизации населения для решения задач, стоящих перед государством. При этом, он существенно уступает по своему мобилизационному потенциалу комплексу национального превосходства, который в московской и имперской России был основан на православии, а в советской — на коммунистической идеологии.

Само по себе православие занимает прочные позиции в «имажинарии» путинской «правды», однако сила его влияния на российский народ уже далеко не та, что была в прежние времена.

В цитирувавшемся выше социологическом исследовании Лев Гудков отмечает, что доля называющих себя православными в России увеличилась с 16% в 1989 г. до 89% в 2012, т. е. в 5, 5 раза. Он объясняет это «действием государственной пропаганды». Из этих людей «только половина верит в Бога, а уж о том, чтобы быть включенными в церковную жизнь вообще говорить не приходится».

«Фейковая» религиозность россиян подтверждается данными из других источников. Хотя по данным разных социологических служб от 70 до 75% опрошенных называют себя «православными». По мнению Льва Гудкова, «понятие «православный» стало таким этноконфессиональным си-

нонимом русскости. Пустое абсолютно самоопределение, заменившее титул «советский»¹. Из них 52% (по данным Фонда общественного мнение) ни разу не открывали Библию². Реально верующих и воцерковленных по данным разных социологических служб от 4% до 8%. Поверхностная религиозность сводится к набору ритуалов: поминальным запискам и зажжением свечей и крестным знаменем, освящением куличей и яиц на Пасху. Туда же входят поклонения «чудотворным» иконам или Поясу Богородицы, к которым выстраиваются огромные очереди. По данным МВД, в пасхальную ночь 2021 года храмы посетило более 1,6 млн. жителей России. Это в 2,6 раз меньше, чем в 2019 году, до введения ограничений, связанных с пандемией COVID-19³.

В связи с этим приходится говорить о бросающейся в глаза ценностной бедности или скудости современного российского «имажинария». Комплекс национальной неполноценности не насыщен смысловым содержанием, опирается на «пустые определения». Ценностная «начинка» русской «правды», превозносящей нас над остальными народами, является уже не религия, а «пострелигиозность». Индикаторы самоидентификации, вытекающие из чувства обиды (рессентимента), все более теряют связь с культурными основами и балансируют на грани архаики и биологии. Таинственная «духовность», как и религиозность, таким образом, все больше и больше заслуживает приставки «пост», позволяющей избежать популярного в настоящие времена определения «фейковая».

14. Кластеры саморазвития и циклы самовоспроизводства

Различное понимание Марксом и Вебером природы буржуазии и капитализма наталкивает на размышления о достаточно ограниченной объяснительной силе марксистского подхода. Представление о том, что развитие «производительных сил» влечет за собой изменение «общественных отношений» и тем самым порождает новую экономическую «формацию», не подтверждается большим массивом исторических фактов, на которые в том числе опираются Вебер и его последователи.

Во многих незападных обществах развитие «производительных сил», например, в результате освоения новых технологий в сельском хозяйстве, влечет за собой исключительно «мальтузианский эффект» — рост численности населения, но не приводит к появлению никаких новых «экономических формаций». Этот факт отмечали даже наиболее добросовестные советские ученые, хотя он очевидным образом противоречит догмам

1 Кузменкова. Там же.

2 <https://balashover.ru/news/21390.html>

3 <https://www.sova-center.ru/religion/discussions/how-many/2021/05/d44155/>

марксизма. Так, например, известный исследователь Ближнего Востока О. Г. Большаков пишет о том, что в исторической литературе «многократно отмечался более высокий уровень экономического развития Востока по сравнению со средневековой Европой»⁴.

Несмотря на множество таких всплесков, ни один регион Востока так и не смог автономно создать капитализм, который приходил в эти регионы, если это случалось, не изнутри их экономик, а всегда как трансфер извне, причем с одной и той же стороны — с Запада. Только Запад смог породить новую экономическую формацию, остальные цивилизации с разными вариациями воспроизводили свои старые. Поэтому даже Маркс и Энгельс были вынуждены зачислить эти формации в одну категорию под названием «азиатский способ производства».

Вебер и его последователи на основе гигантского исторического материала сумели опровергнуть главную ошибку марксизма. Они показали, что экономические формации порождаются не «развитием производительных сил», а цивилизациями, при этом современная капиталистическая формация порождена конкретной цивилизацией Запада.

Многие современные авторы предлагают объяснения, которые позволяют предположить, почему Запад смог породить новую формацию, а Восток не смог. В исследованиях, посвященных подъему капитализма, для описания этого процесса постоянно используется понятие «креативность».

В западном историческом развитии обнаруживается цивилизационная креативность, чуждая другим цивилизациям, а именно — способность создавать новые системы технологий и общественных отношений, включающие в себя не существовавшие ранее социальные классы и институты, т. е. по сути генерировать прогресс. В других цивилизациях такая способность имеет место в несопоставимо меньших масштабах. Китай в раннее средневековье породил систему государственных экзаменов, доступных для любого, в том числе крестьянина. Это было креативным актом, который, однако, не привел к созданию новой формации. Система государственной аграрной экономики была усовершенствована, но осталась прежней. Создание системы экзаменов можно назвать фактором частичного, но не универсального прогресса.

Фактом универсального прогресса было само рождение таких восточных цивилизаций как китайская, индийская, мусульманская и т.д. Креативность тогда проявилась в создании принципиально нового качества общественной системы по сравнению с доцивилизационным уровнем.

Однако, после рождения на свет, ни одна из них не сумела продемонстрировать радикальное изменение общественных отношений, необходимое для трансформации в новое качество. Все они осуществляли такую трансфор-

4 Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока VII — середины XIII веков М. 1984, с. 263.

мацию только в Новое время — под воздействием извне. Внутри этих цивилизаций работали только механизмы циклического самовоспроизводства.

Уникальность Запада заключается в том, что его рациональная и правовая традиции, уходящие корнями в античность, и «извлеченные» из нее в эпоху высокого Средневековья, Возрождения и Нового времени, породив общество автономий, позволили «конвертировать» развитие «производительных сил» в создание новых социальных (буржуазия и пролетариат), экономических (банки, биржи и т.д.) и государственных феноменов (независимые суды, право собственности, парламенты и т.д.). Именно так, по сути, и создается «новая формация», причем конкретная (западная) цивилизация играет в данном процессе не вторичную, а ключевую роль, т.е. является частью «базиса», а не «надстройки».

Не случайно, только с Западом связано представление о целом букете разнообразных «революций» времен Средневековья и Нового времени. Папская революция, научная, военная, промышленная, включая явления аналогичного порядка (Возрождение, Реформация), связаны исключительно с европейским Западом и нет ничего аналогичного, ассоциирующего с Азией или Востоком.

Принимая во внимание такое явление как социальная революция, мы и тут обнаруживаем резкое различие между Западом и Востоком. Недаром западные революции называются «буржуазными», а восточные «социалистическими». Если мы возьмем то, что называется Нидерландской, Английской и Великой французской революциями, то при всех их многочисленных различиях общим для них вектором действительно является «смена формаций» и «переход к новому общественному строю». Революции на Востоке (российская, китайская, иранская и др.) при всей своей внешней грандиозности — это всегда «возвращение того же самого», только под новыми обликами и иногда с «прокладками» в виде отдельных инноваций, заимствованных у того же Запада, но не меняющих основного миропорядка. Таковы результаты именно революций, т.е. процессов, происходящих при активном участии широких масс. Не надо путать революции с реформами, которые являются трансферами капитализма и много раз увенчивались на Востоке позитивными результатами.

Креативность западной цивилизации проявляется уже в самом «рождении капитализма из духа городской автономии», она неразрывно связана с «волевой активностью и выраженной изначальной инициативностью, присущим западноевропейским корпорациям» в силу их «институциональной и правовой оформленности»¹.

Признаком радикальной новизны обладает не только класс буржуазии, но и разные другие новации средневекового запада, такие, например, как независимые от вышестоящих властей суды, представительные органы (парламенты и т.д.). В более раннее время этим признаком отличаются

1 Хачатурян Н.А. Власть и общество в западной Европе в Средние века. М., 2008. с. 40.

университеты и такой порождаемый ими ранний «отряд» буржуазии как профессиональные интеллектуалы (например, юристы), но также и создаваемый ими феномен правового государства, и т.д.

«Гильдия, братство, университет, и помимо этого — гильдия гильдий, клятвенный союз всех бюргеров, Коммуна, были институтами, созданными новым мировоззрением и воплотившими новые идеалы». Чиполла считает эту новизну универсальным отличием коммунальных структур от феодальных по всей Европе².

Креативное начало непосредственно вытекает из принципа автономии, поскольку в ее рамках никто не обязан следовать заранее установленным образцам и стандартам, т. е. не привязан жестко к традиции. Так, Исидор Севильский утверждает, что каждый народ или город устанавливает себе собственный порядок (*quis quepopi lousvel civit ass ibi pro prium constituit*). А собственный, значит, не ориентированный на какие-то «священные» образцы. Это — своеобразный «категорический императив» креативности. В XII в. Креативную способность городской автономии подчеркнет Этьен де Турне, определив город как «творящую сущность» (*entité créatrice*)³.

Зоны автономии, функционирующие на основе рационально построенных правовых порядков, демонстрируют способность к порождению новых видов общественного блага в сфере социальных порядков и государственных институтов.

«На удобренной гражданственностью почве произрастали самые неожиданные новации в практике бизнеса, помогавшие крепить благосостояние, например, ренессансной Флоренции и ее соседей»⁴, — пишет Роберт Патнэм.

Дэвид Стасавейдж, со своей стороны, подчеркивает инновационную природу конкретно городских гильдий: «последние исторические исследования гильдий показывают, что они играли важную роль в обеспечении прав собственности, защите знания и обеспечении обучения»⁵. Все это обеспечивало новации, несущие благосостояние не отдельным индивидам или кланам, а большим группам людей — вот феномен, зарождающийся в рамках раннего капитализма наряду со многими его отрицательными сторонами, но впоследствии (на более поздних его стадиях) их перевешивающий. В самом начале своего существования капитализм демонстрирует способность создавать «инклюзивные» институты, которые «стимулируют участие больших групп населения в экономической активности»⁶, приводя тем самым к всеобщему росту благосостояния. Незаменимыми элементами этих институтов являются «защищенные пра-

2 Цит. по: Патнэм Р., Цит. соч. с. 159.

3 Цит. по: Хачатурян Н. Указ. соч, с. 77-78.

4 Патнэм Р. Указ. соч. с. 160.

5 Stasavage, D., 2014. Was Weber right? The role of urban autonomy in Europe's rise // *American Political Science Review*, 108(2), pp.338.

6 Асемоглуд., Робинсон Д. А. «Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты», с. 65.

ва частной собственности, беспристрастная система правосудия и равные возможности для участия всех граждан в экономической активности»¹.

Хотя исторически данный набор институтов принадлежит к комплексу инноваций раннего капитализма, его построение является путем к процветанию населения любой страны и в современном мире. По сути, они являются вкладом западного капитализма в социальный прогресс всего человечества.

В современной науке о мировом развитии данный факт установлен целой плеядой известных ученых, придерживающихся неонинституционального подхода, основоположником которого является Дуглас Норт. Один из его преемников, Анвер Грейф, констатирует: «Результаты проведенных исследований не окончательны, однако они указывают, что гарантированное право собственности, правопорядок и доверие коррелируют с лучшими экономическими результатами». Данное обобщение он делает, ссылаясь на труды рубежа XX — XXI веков². Для нас тут важно отметить, что в начале XXI века эти ученые повторяют и на новой эмпирической базе развивают идеи, которые за столетие до них сформулировал Макс Вебер. «Многие элементы и особенности современных западных институтов, увеличивающих благосостояние, в период зрелого Средневековья уже имели место или были в процессе зарождения: индивидуализм, рукотворный формальный закон, корпоративизм, самоуправление и правила, отражающие институционализированный процесс, при котором те, кто им подчиняется, имеют голос и влияние»³.

Усилиями этих ученых было конкретизировано понятие «уникальности», которое Вебер сформулировал в приложении к западной цивилизации.

Уникальность вклада, который креативная цивилизация Запада внесла в магистральное развитие человечества, в значительной мере заключается в генерировании феноменов «прогресса» и «модерна».

Феномен прогресса проявляется в том, что вслед за одним уровнем благосостояния человеческих сообществ капитализм, опираясь на свои кластеры саморазвития и развивая свои инклюзивные институты, порождает новый, более высокий уровень благосостояния. Эта смена представляет собой такое обновление всех сторон жизни, которое, в конечном счете, и является «модерном».

Уникален и сам вектор, который капитализм задал всему мировому развитию: генерировать систематический и всеобщий рост прибавочного продукта путем обеспечения целенаправленного роста институтов и технологий.

До наступления эпохи трансфера капитализма (модернизации, вестернизации) незападные цивилизации опирались на принципиально иной

1 Там же, с. 65.

2 Грейф, А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли М. 2013, с. 427.

3 Там же, с. 43.

и даже противоположный алгоритм: приращение прибавочного продукта путем возвращения к сакральным основам, восстановления утраченной гармонии внутри себя и с внешним миром. На это были, в том числе, направлены и правовые системы.

Китайская династия Тан интересна тем, что именно ее мыслителями были четко сформулированы эти принципы правления, характерные для «идеального типа» не только китайской, но и других восточных цивилизаций: «Правовая система династии Тан была механизмом, вписывающим социум в гармонию космоса. Данная система представляет собой «грандиозную картину тотально гармонизированной социальной Вселенной, связанной воедино сложной системой взаимных долженствований ... людей, семей, государственных структур, всего общества и подчиненной в целом непреложному постоянству, свойственному движению планет, повторению сельскохозяйственных сезонов и честному исполнению своего долга Землей и Небом»⁴. «Китайские правители династии Тан «в своей деятельности воплощали учение о гармонизации мира (государства) ради блага народа (цзинци), направленное на достижение социальной гармонии (как продолжения космической) и пресечение мятежа и хаоса»⁵. Любые серьезные новшества в таких моделях правления воспринимаются как подозрительные и отвергаются, поскольку считаются нарушением сакральных канонов, точное исполнение которых необходимо для поддержания либо восстановления утраченного равновесия государства и всего космоса.

Уникальность Запада, о которой вслед за Вебером неустанно говорят современные исследования, в том, что он первой из цивилизаций вырвался из колеи циклического самовоспроизводства и, опираясь на описанные выше «кластеры саморазвития» (рациональность, *rule of law*, автономии, надежность контрактов и т. д.), переместился на рельсы социального, технологического и экономического прогресса, которые Макс Вебер обозначает абстрактным термином «капитализм».

Бросая на этом пути вызов одним цивилизациям, навязывая себя другим, Запад продолжает диктовать основные тренды развития роду *Homo sapiens*. Другие цивилизации отвечают на этот вызов разными способами. Одни идут на тесную интеграцию с Западом, пересматривая свои традиционные основы, другие пытаются совместить эти основы с западными влияниями, то преуспевая в этом, то терпя неудачу. Третьи держатся за эти основы до последнего в стремлении бескомпромиссно отстоять свою самобытность. Цена, которую они за это платят, заключается в невозможности порвать цепь «вечного возвращения» циклов самовоспроизводства и перейти на траекторию устойчивого прогресса. Вместо устойчивого роста благосостояния, порождаемого в основном автономными субъектами экономического действия, единственным «мотором» развития в таких странах являет-

4 Рыбаков В.М. Взаимодополнительность танских законов (эл. ресурс).

5 История Китая под ред. А. В. Меликсетова М. 1998, с. 171.

ся власть. По ее инициативе благосостояние может осуществляться только спорадическими рывками — в порядке «догоняющей мобилизации»¹.

Мобилизационное государство способно на «спринтерский рывок», в ходе которого оно может догнать и в чем-то даже перегнать другие страны. Но история — это не спринтерская дистанция, и даже не стайерская, это — сверхмарафон, в котором спринтеры и стайеры раньше или позже обязательно проигрывают. Поэтому вслед за рывком мобилизационного развития идет стагнация. Механизмы мобилизации теперь используются не для достижения «общего блага», а для обогащения правящей элиты. Возникает феномен «экстрактивного» государства.

«Мы называем институты — те, которые имеют свойства, противоположные инклюзивным, — экстрактивными институтами. Экстрактивными — то есть направленными на то, чтобы выжать (toextract) максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части»².

Резюмируя все сказанное выше о Российской цивилизации, мы можем утверждать, что она до сих пор идет по этому «третьему» пути.

Еще раз вспомним слова Бердяева, сказанные в середине прошлого века: «большевизм есть третье явление русской великодержавности, русского империализма, — первым явлением было московское царство, вторым явлением петровская империя»³.

Сегодня мы можем говорить о четвертой реинкарнации этого великодержавия — путинском реваншизме. Возможно, впрочем, историки дадут ему другое название. В то же время они не смогут отрицать, что эта последняя фаза воспроизводит все базовые черты трех предыдущих, о которых мы говорили выше.

Налицо то самое «циклическое воспроизводство», характерное для всех незападных цивилизаций, но, разумеется, со своей спецификой. В случае с Россией это стремление постоянное восстановление не гармонии с космосом, а идентичности с сознанием собственной бесконечной правоты. Если в китайской цивилизации право и закон необходимы для принуждения к гармонии с космосом, т. е. несут в себе какое-то универсальное начало, то в российской они нужны только для навязывания обществу очередной субъективной «правды» правящей ортодоксии.

Пример России и других стран с аналогичными цивилизационными стратегиями показывает, что цивилизации могут не только порождать новые экономические формации, но и отталкивать уже возникшие.

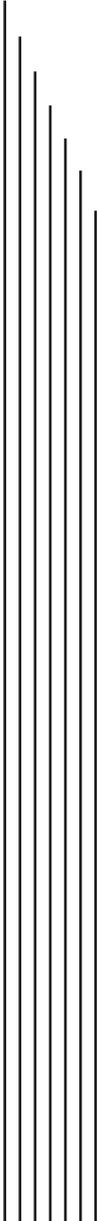
В настоящее время российская цивилизация находится на пике противостояния с Западом. Делать прогноз о том, насколько долго продлится

1 Митрохин, Михалева, там же, с. 47-52.

2 Асеомглу, Робинсон, там же, с. 67

3 Бердяев Н. Истоки русского коммунизма, Париж 1955, с.100

это противостояние, достаточно сложно. Гораздо проще предвидеть его финал. Сырьевые преимущества в современном мире не могут рассматриваться как долгосрочный фактор устойчивости государства и защищаемой им цивилизации. Сопоставление ресурсов противодействующих сторон подталкивает к выводу о том, что Россия неизбежно проиграет Западу и, в случае сохранения при этом государства, столь же неизбежно предпримет новую попытку осуществить трансфер капитализма.

ЧАСТЬ II

Россия — не правовое государство

С национальной системой ценностей, не отводящей высокого места праву, верховенству закона и правосудию, органично сочетается униженное положение суда как незыблемый «паттерн» современной России.

1. Советские и российские принципы правового государства

В 1-ой статье Конституции, принятой в 1993 году декларируется, что Российская Федерация — правовое государство, Конституция которого имеет высшую юридическую силу, а законы и другие правовые акты не должны ей противоречить (Ст. 15). Эти статьи остались неизменными и после внесения изменений в Конституцию на референдуме 2020 года. Юристы считают, что понимание прин-

ципа правового государства — не «техничко-правовое», но — материальное. Это означает, что государство, государственная власть со всеми ее органами и институтами и во всей своей деятельности должны всеохватывающе руководствоваться правом, правами и свободами человека. Государственная власть в правовом государстве в соответствии с принципом разделения властей подразделяется функционально и организационно и осуществляется в границах прав человека. Существенными элементами правового государства являются верховенство и прямое действие Конституции, ее соблюдение всеми государственными органами и должностными лицами, обязанность государства уважать и защищать достоинство человека, права и свободы гражданина, разделение властей, запрет произвола, принципы справедливости и соразмерности. Сюда же относятся полицейская, судебная, в т.ч. — уголовно-правовая защита от посягательств на сограждан, соблюдение прав человека государством, требование соблюдения принципов определенности, ясности однозначности правовых норм как таковых, а также принятых в системной взаимосвязи правил¹.

Ряд авторов подчеркивают, что функционирование этих элементов правовой государственности существенно зависит от наличия действующего гражданского общества, идеологически-мировоззренческого плюрализма и работоспособных партий². Отмечается, что правовое государство как институт в России находится в начальной стадии и пока является не более, чем идеалом³.

Первые идеи правового государства, ставящие под сомнение революционную целесообразность в раннесоветский период и последующий принцип приоритета государственных интересов над правами личности, появились в период перестройки и обозначались как «социалистическое правовое государство»⁴. В то бурное время никого не смущало, что это — очевидный оксюморон. С одной стороны, подчеркивалось, что пять основополагающих принципов правового государства: 1) господство закона во всех сферах общественной жизни; 2) связанность законом самого государства и его органов; 3) незыблемость свободы личности, ее прав и интересов, чести и достоинства, их охрана и гарантированность; 4) взаимная ответственность государства и личности; 5) эффективные формы контроля и надзора за осуществлением

1 Комментарий к Конституции Российской Федерации в 2-х томах. Том 1 / Под ред. Б. Визера. М.: Инфотропик Медиа. 2018, с. 21 -22.

2 Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции РФ. Новая редакция. -3-е изд., перераб. и доп.М.: Проспект 2020,с. 8.

3 Смоленский М.Б. Теория государства и права. М.: Литресс. 2022; Неретина С.С. О понятиях государства, управления и общества /Государство. Общество. Управление. Сборник статей / Под ред. С.Никольского и др. М.: Альпина паблишер, 2013, с. 125 -146.

4 Дробязко, С.Г. О концепции правового социалистического федеративного советского государства / С.Г. Дробязко // Право и демократия: сб. науч. тр. — Минск: Университетское, 1990. — Вып. 3, с. 42–47.

законов и других нормативно-юридических актов¹. С другой — что первостепенное значение имеет осмысление принципов социалистического правового государства как теоретического выражения природы социалистической государственности, ее сущности и социальной миссии в связи с осуществлением наиболее важных насущных жизненных проблем².

В постсоветское время понимание правового государства и общественного договора носило отчетливые отпечатки марксизма и советских правовых традиций³. Это было обусловлено советским пониманием права, для которого были характерны⁴:

- десубъективизация и этатизация правового порядка из-за абсолютного доминирования государственных интересов над интересами граждан;
- политизация и идеологизация права;
- пропагандистская инструментализация права для идеологического индоктринирования и патерналистского воспитания народа;
- репрессивность права до полного доминирования частного права по отношению к уголовному;
- дифференциация права при одновременном укреплении и особых правах номенклатуры⁵;
- отказ от права на частную собственность, деэкономизация права;
- отказ от принципов религиозной морали с глубоким воздействием на частную жизнь людей;
- бюрократизация права, когда партийные функционеры, а не судьи провозглашали, что является правом и законом.

Несколько позже, пришло понимание, что проблемы правового государства и связанного с ним принципа верховенства права лежат глубже.

В России не сложилась традиция, согласно которой правовое государство признают нормативным принципом, связанным с либеральной демократией. Российская трактовка правового государства имеет гораздо больше общего с немецкой доктриной *Rechtsstaat* (от которой и произошел сам термин), чем с англо-американской теорией *the rule of law*. Понятие *The rule of law* базировалось на защите прав и свобод граждан от политического и правового произвола, парадигма *Rechtsstaat* делала пер-

1 Кудрявцев В. К, Лукашева Е. А. Социалистическое правовое государство // Коммунист. 1988. № 11, с. 44–55.

2 Дробязко. Там же, с. 43.

3 Раянов Ф. М. Основные методологические проблемы современной юридической науки // Правовое государство: теория и практика, 2017. <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyie-metodologicheskie-problemyi-sovremennoy-otchestvennoy-yuridicheskoy-nauki/viewer>

4 Luchterhandt O. Russlands Rueckkehr zur Authokratie. BWG Jahrbuch, März, 2021.

5 В. Meissner. Russland im Umbruch. Der Wandel in der Herrschaftsordnung und sozialen Struktur der Sowjetunion, Frankfurt. 1951, S. 3 ff.; M. Voslensky, Michael: Nomenklatura. Die herrschende Klasse der Sowjetunion, 2. Auflage, Wien 1984.

вейший акцент на ключевой роли неделимой государственной власти в обеспечении равенства перед законом⁶.

С институциональной точки зрения принцип правового государства закреплён в российской правовой системе довольно прочно. Нормы, касающиеся прав человека, признаются имеющими прямое действие (статья 18 Конституции); учреждён Конституционный суд, главной функцией которого является защита конституционных прав и свобод граждан. Высшие судебные инстанции, вынося решения, до последнего времени ссылались не только на международные и европейские источники права, но и на прецедентные дела Европейского суда по правам человека, а также на документы Совета Европы⁷. Однако реальность и устремления правящей элиты воздвигают за красивым фасадом другие конструкции. Правовое государство подразумевает справедливость и обеспечение равенства перед законом, что составляет основную задачу государства. Но реальность: слияние бизнеса и власти при доминировании власти, постоянное увеличение роли силовиков, ограничение прав и свобод препятствуют утверждению общественного климата, благоприятствующего правовому государству. Правовой нигилизм распространён не только в верхних и средних, но и в нижних слоях населения, что проявляется, например, в повсеместной коррупции и взяточничестве и проведении «реформ» за счёт населения («оптимизация» здравоохранения и образования, замораживание пенсионных вкладов, программа реновации и т.д.).

Большинство российских граждан уверено, что юридические институты, включая государство, не в состоянии обеспечивать справедливость или беспристрастное разрешение конфликтов. Россияне считают, что закон для них не обязателен, поскольку он служит частным интересам, а не благу всего общества. Ещё более поразительна распространённая в России привычка соотносить закон и мораль с различными ментальными категориями. Именно отсюда берут начало негативные представления о правовом государстве; а там, где господствуют подобные предубеждения, вообще не имеет значения, как на самом деле отправляется справедливость. Негативное восприятие предопределено фундаментальным недоверием к институту права как таковому⁸.

Однако, стоит заметить, что идея правового государства полностью не чужда России. Труды Бориса Чичерина, Богдана Кистяковского и Павла Новгородцева занимают значимое место в российском наследии теоретических работ, посвящённых взаимоотношениям государства и права. Не должен оставаться забытым и опыт Великих реформ Александра II. После Октябрьского переворота концепция правового государства была

6 Малфлит К. Можно ли считать современную Россию правовым государством? // Неприкосновенный запас » №5, 2008.

7 Maggs P. Judicial Precedent Emerges at the Supreme Court of the Russian Federation // Journal of East European Law. 2002. Vol. 9. № 3, p. 479--500.

8 Там же.

отвергнута как чуждая новому режиму: попытки позднего царизма продвигаться в направлении ответственного правительства (конституционализм, свободные выборы в парламент, предоставление широких прав подданным, которые таким образом становились гражданами) были «решительно пресечены и оставались в забвении на всем протяжении советской эпохи»¹.

При Путине эта идея обретает новое прочтение: теперь речь идет о защите при помощи государства, которое ассоциируется с Добром. Следуя этой логике, чем мощнее государство, тем лучше для граждан. Такой подход предполагает огромный риск: до тех пор, пока права считаются дарованными властью, а не присущими людям изначально, они могут рассматриваться как нечто преходящее и потенциально упраздняемое. В сфере личных прав закон, основанный на воле государства, препятствует развитию государства, основанного на законе. Слабость гражданского общества, неспособного функционировать как независимый от государственной власти организм, влечет за собой неразвитость ценностей и установок, которые в нормальных условиях позволяют правовой системе функционировать бесперебойно и которые считаются гарантированными в зрелых демократиях².

Правовое государство воспринимается в России как метафора, идеология, инструмент для достижения государством политических и геополитических целей. При этом подчеркивается необходимость существования сильной власти при проведении реформ. При этом, по мнению председателя Конституционного суда Валерия Зорькина, необходима модернизация права, для чего нужно решить следующие задачи³:

- оптимизация российского права на основе всеобщего принципа юридического равенства — равенства всех перед законом и судом и равноправия;
- формирование профессионального и массового общественного правосознания, основанного на утверждении достоинства личности, чувства уважения к праву и закону;
- стабилизация системы законодательства и в целом системы нормативных правовых актов, в том числе посредством современной кодификации;
- упрочение независимого и справедливого правосудия;
- создание современной нормативно-правовой основы устойчивого инновационного развития;

1 Hedlund S. Vladimir the Great, Grand Prince of Muscovy: Resurrecting the Russian Service State // *Europe-Asia Studies*. 2006. Vol. 58. № 5, p. 27.

2 Maggs P. Там же.

3 Зорькин В. Д. Правовая трансформация России: вызовы и перспективы / Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в Современном Мире. Междисциплинарный Центр Философии Права. <https://asnis.ru/images/149933b71758b9fa11fd94519c8cf7ae.pdf>

- утверждение конституционной законности как правового режима функционирования государства и общества, устойчивой системы правоприменения, гарантирующей признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина, в том числе в социальной сфере;
- преодоление криминальной тенденции развития общества и государства.

Он подчеркивает, что никакая — даже самая глубоко и изощренно разработанная и формально совершенная — правовая система не будет полноценно действовать, если она лишена фундамента в виде нравственного общества, апеллирует к необходимости стабильности и опасности переломов, а основой нравственности видит веру⁴.

Эти противоречия видят и сами судьи Конституционного суда. Правовое государство начала XXI века в России стало заменяться, как отмечает судья Конституционного суда Гадис Гаджиев⁵ сильным государством. Но у него есть серьезные недостатки. Ослабление парламентаризма в целях мобилизации государственной власти в духе «политической симфонии» как одной из главных государственно-правовых идей Византии очень болезненно сказывается на верховенстве права: ...конституционализм очень похож на простое устройство с сообщающимися сосудами: если ослабевает парламентаризм, мгновенно ослабевает и судебная власть как организационная структура, необходимая для механизма верховенства права ...В сильном государстве неуютно не только парламентаризму, но и конституционной юстиции, которая, обычно, находится в темном пространстве, между правом и политикой. Границы конституционного контроля находятся внутри «игрового пространства» политической власти, и установить их с топографической точностью невозможно. В результате возникает сложная дилемма между поддержанием верховенства права и пониманием того, что сильное государство объективно необходимо для постепенного перерастания в правовое государство».

2. Конституционная диктатура, президентализм и делегативная демократия

Сложившуюся правовую систему А.Н. Медушевский называет «конституционной диктатурой»⁶, которая всегда стремится к максимизации пол-

⁴ Там же.

⁵ Гаджиев Г. Российская судебная доктрина верховенства права: двадцать лет спустя // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в Современном Мире. Междисциплинарный Центр Философии Права. Там же.

⁶ Медушевский А. . Переход России к конституционной диктатуре: размышления о значении реформы 2020 года // Сравнительное конституционное обозрение 2020 № 3, с. 3 - 50.

номочий, преодолению ограничений и превращению из временной в постоянную, не скована никакими правовыми ограничениями, т.е. является противоположностью правовому государству.

Конституционная диктатура получила, с его точки зрения, юридическое выражение в ходе российской конституционной реформы 2020 года¹. С одной стороны, данная система правления имеет общие черты со „стандартной“ конституционной демократией: 1) признание демократической легитимности (народного суверенитета как источника власти); 2) формальное сохранение основ конституционного строя — гарантий прав и свобод личности; 3) сохранение принципа парламентаризма и ответственности правительства; 4) принцип разделения властей прямо не отвергается; 5) судебная власть формально сохраняет свою независимость; 6) политическая власть устанавливается на основе действующего Основного Закона, провозглашая опору на него и юридическую преемственность всех изменений; 7) принцип сменяемости власти, теоретически, сохраняется, а право на неё подтверждается (теоретически) на конкурентных выборах.

С другой стороны, эта система правления означает установление неограниченной власти главы государства, основанной на редуцированном и скорректированном механизме интерпретации демократических норм: 1) основы конституционного строя трансформируются „уточняющими“ нормами, законами, интерпретацией и правоприменительной практикой до нужного ограничительного эффекта; 2) демократическая легитимность сохраняется, но принцип представительства сведен до предоставления народом власти одному лидеру; 3) принцип разделения властей теряет эффект сдерживания, поскольку власть главы государства стоит над системой сдержек и противовесов как по горизонтали, так и по вертикали; 4) парламентаризм превращается в фикцию, как и ответственное правительство (ответственность перед главой государства полностью вытесняет парламентскую); 5) судебная власть сохраняет независимость лишь в той степени, в какой не покушается на права и прерогативы верховной власти главы государства или значимые для неё вопросы; 6) установление этой власти идёт путём последовательной трансформации смысла конституционных норм, а не прямого отказа от них; 7) принцип сменяемости власти обходится с помощью юридической казуистики, а конкурентные выборы предсказуемы в силу управляемого характера и абсолютного господства правящей партии. Общий результат этих корректировок выведение главы государства из-под контроля конституционных ограничений и придание ему особого метаконституционного статуса с наделением прерогативой прямого плебисцитарного законотворчества. Юристы называют эту систему «президентализмом»², а политологи — «делегативной демокра-

1 См.: Медушевский, там же, с. 40.

2 Luchterhad O. Neue Regierungssysteme in Osteuropa und der GUS: Probleme der Ausbildung stabiler Machtinstitutionen (Osteuropa-Forschung). Berliner Wissenschaftsverlag, 2002.

тий». Президентизм — политическая система, в которой президент является доминирующим политическим актором, обладает полномочиями во всех ветвях власти и может создавать органы, не регулируемое конституцией и законодательством (Администрацию, советы). Он стоит над всеми властями, в российском случае — может издавать указы, подписывает принятые законы, председательствует на заседаниях правительства, назначает силовых министров и судей; является верховным главнокомандующим и гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти; является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. В установленном Конституцией Российской Федерации порядке он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти; определяет основные направления внутренней и внешней политики государства; представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях.

Система делегативной демократии — полиархия, в которой исполнительная власть на практике не ограничена другими институтами, и в частности, не подотчетна другим ветвям власти. Концепцию делегативной демократии ввел в 1994 году аргентинский политолог Гильермо О’Доннелл для описания одной из разновидностей имитационной демократии³. Для делегативной демократии характерно сильное централизованное государство во главе с харизматичным президентом, избранным в результате (в тенденции) честных свободных выборов и удерживающим прочный контроль над инструментами правления. Другие ветви власти не обязательно являются слабыми сами по себе, однако президент обходит или подавляет их. Делегативные демократии основываются на предпосылке, что победа на президентских выборах дает победителю право управлять страной по своему усмотрению, при этом он ограничен лишь обстоятельствами существующих властных отношений и определенным Конституцией сроком пребывания у власти.

Президент рассматривается как воплощение нации, главный хранитель и знаток ее интересов. Политика его правительства может слабо напоминать его предвыборные обещания. Предполагается, что эта фигура отечески заботится о всей нации, а политической базой президента должно быть движение, которое преодолевает фракционность и мирит политические партии.

3 О’ Доннелл: <http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem01.htm>. Анализом этого типа режимов занимались также Роберт Даль, Адам Прешворский и др. Из российских авторов — Татьяна Ворожейкина и Владимир Гельман.

Режим современной России – новый феномен, не сводящийся к воспроизводству предшествующих типов неограниченной власти (самодержавие, однопартийная диктатура или военная диктатура). Его предпосылки можно отыскать, начиная с принятия Конституции 1993 года, в общей логике трансформации постсоветского режима, провозгласившего на волне демократических преобразований правовое государство, но не справившегося с его консолидацией без усиления авторитарного вектора. В течение десятилетий власть тестировала ситуацию, последовательно ограничивая объём конституционных принципов и ожидая момента, когда количество перейдёт в качество. Этот момент наступил сейчас, с формальной фиксацией нового порядка — неограниченной власти главы государства не только *de facto*, но и *de jure*. Россия вписана поправками в круг стран, которые увидели выход из противоречий глобализации и порождённых ею диспропорций в создании конституционной диктатуры.

3. Российское и международное право

Отсутствие верховенства права в России по настоящее время является не одним из «признаков» в списке многих других, а фундаментальной особенностью российской цивилизации. Это видят и правоведы. По мнению представителей Конституционного суда, в России оно (пока?) не реализуемо. Более того, В. Зорькин утверждает, что «Конституция... стержень и хребет нашего общества, олицетворение права, соединённого с властью. Именно это обстоятельство способствует стабильности правового поля в нашей стране»¹. В данном случае следует обратить внимание на упоминание власти. При этом по факту именно власть, а не право оказывается первичной в этом тандеме. И законы, и Конституция, и судебные решения становятся инструментом для осуществления, укрепления и охраны власти и изменяются часто в соответствии с текущими потребностями. Приведем лишь несколько примеров. Так, в числе изменений, внесённых в Конституцию на референдуме 2020 года:

«Требования международного законодательства и договоров, а также решения международных органов могут действовать на территории России только в той части, в которой они не влекут за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина, не противоречат нашей Конституции»². Это означает приоритет Конституции над международным законодательством и международными договорами, решениями международных органов³. Это стало, в т.ч., формальным основанием для начала спецоперации в Украине, т.к. политическая целесообразность этих действий (с точки зре-

1 <https://www.advgazeta.ru/arhivnye-zapisi/verkhovenstvo-prava-vs-verkhovenstvo-zakona/>

2 Послание Президента Федеральному собранию. <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>

3 Полный примат // Коммерсант. 15 января 2020.

ния власти) уже не была ограничена ни международными договорами, ни даже п. 4 Устава ООН.

Конституционная реформа 2020 года, как уже было сказано, прошла без формального разрыва конституционной преемственности, но с её фактическим разрывом. Результатом данного юридического переворота стало закрепление конституционной диктатуры: глава государства определяет смысл конституционных принципов, стоит над системой конституционных ограничений, способен фактически оставаться у власти пожизненно, передать власть преемнику или оставить её по собственному усмотрению.

Выход/исключение России из Парламентской ассамблеи Совета Европы означают для граждан закрытие возможности оспорить судебные решения российских судов в Европейском суде по правам человека в Страсбурге. Хотя процедура была остаточной и осложненной, все больше россиян использовали ее, им удавалось выигрывать дела и Российской Федерации. В апреле 2022 года в ходе продолжения военной спецоперации Россия была исключена/ сама ушла из Совета по правам человека при ООН.

4. Конституционная реформа и ее последствия

По результатам конституционной реформы 2020 года, принятой в результате трехдневного референдума, было исключено конституционное ограничение сроков полномочий президента. Было убрано слово «*подряд*», позволявшее одному и тому же лицу занимать президентский срок более двух сроков при условии, что лишь число *последовательных* сроков не должно быть более двух. При этом с момента принятия поправок сроки президентства В.В. Путина «обнулялись», что означало возможность после 2024 года занимать президентское кресло.

Это непосредственно сказывается на законодательстве⁴:

- стремлении к казуистике, перечислении разных субъектов права;
- формализму и многочисленным повторениям, увеличению объема решений, сложности в их понимании;
- излишние подробности, неясности, позволяющие властям ограничивать права и свободы граждан;
- неясность в отношении вступления в силу законов;
- постоянно изменения часть законов;
- поверхностности и неточности в определении ответственных за исполнение закона, что регулируется не законом, а подзаконными актами, из-за этого никто не видит себя ответственным за исполнение.

4 Luchterhandt, Otto: Der Gesetzgebungsprozess in Russlands Duma und seine prägenden Besonderheiten/ Luchterhandt, Otto (Hrsg.): RechtskultinRussland: TraditionundWandel, Hamburg 2011, S. 79-107 (99 ff.).

В России, начиная с выборов 2000 года (за исключением периода, когда президентом был Медведев, а Путин — главой правительства) большинство избирателей голосовало за Путина, а Государственная Дума, начиная с 2014 года, т.н. Крымской весны, голосовала почти всегда солидарно, особенно по ключевым вопросам внешней политики и законам, ограничивающим права и свободы человека. Это означает, что база президента — не только «Единая Россия», но и все политические партии, представленные в Государственной Думе.

Однако, есть одно существенное замечание, связанное со степенью честности и прозрачности выборов и вопросом, действительно ли подавляющее большинство граждан делегировало президенту свои права. Многочисленные свидетельства наблюдателей и аналитиков о применении административного ресурса и прямой фальсификации выборов свидетельствуют об обоснованности этих сомнений¹.

Внесение поправок в Конституцию в 2020 года закрепляет авторитарные черты политической системы, поправки расширяют полномочия и президента и редуцируют — других конституционных органов. Сам Конституционный суд в Заключении от 16 марта 2020 года № 1-3 так это обосновывает: констатируя дилемму выбора между различными конституционными ценностями — демократического правового государства (включающего принцип регулярной сменяемости власти) и народовластия (права народа избирать на свободных выборах наиболее достойное лицо), — констатирует, что в данном случае не возникает их противоречия. Баланс ценностей не нарушен: принцип сменяемости власти сохраняется в рамках электоральной подотчётности главы государства, а народ вправе на выборах оказать предпочтение тому кандидату, которого сочтёт наиболее достойным Суд отказался видеть в изменении статьи 81 факт «присвоения власти» (запрет которого фиксируется частью 4 статьи 3 Конституции) и согласился с широкой трактовкой усмотрения законодательной власти, выдвинувшей и поддержавшей поправку об «обнулении» прежних президентских сроков во имя предоставления новых действующему лидеру. Законодателю предписывается учитывать «конкретно-исторические факторы принятия соответствующего решения, в том числе степень угроз для государства и общества, состояние политической и экономической систем и т. д.»². По сути, Конституционный Суд признал провал построения работающей политической институциональной системы в России, причём любого типа³.

1 Бузин А. Российские выборы: изнутри, снаружи и сбоку. М.: КнигИздат, 2020 г. Любарев А.В., Кынев А.Е. Партии и выборы в современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2011 г. и др.

2 Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 года № 1–3 о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ не вступивших в силу положений Закона РФ о поправке к Конституции Российской Федерации о совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти, а также о соответствии Конституции РФ порядка вступления в силу статьи 1 данного закона в связи с обращением Президента РФ.

3 Медушевский. Там же, с. 41.

Внесение поправок в Конституцию означает не только существенную деформацию, но и во многом — отказ от базовых принципов Конституции. Немецкий правовед Отто Лухтерхандт суммирует эти изменения следующим образом⁴:

- 1) Ст. 81 абз. 3 демонстрирует разрыв с ельцинской конституцией в теоретически-конституционном смысле. Конституция — правовая основа государства, ее положения — абстрактные правовые предписания, независимы от отдельных личностей. Предписания, связанные со сроками могут присутствовать, но только как регулирование переходного периода.
- 2) Это — разрыв и в конституционно-правовом отношении, т.к. Конституция провозглашает, что Российская Федерация — демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления (Ст. 1). К сущности правового государства относится наделение властью на время, что особенно важно для президентских систем правления с широкими полномочиями президента, который возглавляет исполнительную власть. Это было в некоторой степени сбалансировано в ельцинской Конституции. Новая версия открывает возможность пожизненного продления президентства. Ст. 81 абз. 3 в новой формулировке противоречит принципу разделения властей. Она несовместима и с республиканской формой правления, превращая страну в монархию, в которой существуют несвободные, фальсифицируемые выборы. Кроме того, существует противоречие со Ст. 16, абз. 2 провозглашающей, что «Никакие другие положения настоящей Конституции не могут противоречить основам конституционного строя Российской Федерации», т.е. главы 1 и особенно — Ст. 1.
- 3) Вводится новое понятие «публичная власть». Термин «организация публичной власти» — Ст. 67 абз. 1 п. 3; Ст. 71. Ст. 132 абз. 3 проясняет, зачем вводятся эти понятия: «Органы местного самоуправления органы государственной власти входят в единую систему публичной власти Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для более эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Тем самым органы местного самоуправления лишаются самостоятельности и объединяются в одну систему с органами государственной власти».

Поправки изменили нормативную структуру Конституции, 10 статье об осуществлении государственной власти на основе ее разделения на самостоятельные — законодательную, исполнительную и судебную противоречит новая Ст. 81 абз. 3.1. об «обнулении сроков» президента, практически в соответствии со Ст. 80 стоящего над Конституцией, обеспечивая «согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти».

4 Luchterhandt O. Russlands Rückkehr zur Autokratie. BWG Jahrbuch. Maerz 2021.

Внесение поправок стало логичным завершением процесса, который начался гораздо раньше — с приходом к власти Путина. Перечислим только самые знаковые и важные шаги этой власти: вторая Чеченская война; ограничение свободы СМИ, начатое роспуском НТВ; федеративная реформа, ограничившая права субъектов Федерации и — в 2004 году отказ от выборности губернаторов, возвращенный с существенными ограничениями лишь в 2012 году; «равноудаление олигархов» с показательным делом ЮКОСа; неоднократное переформатирование избирательной и партийной системы с увеличением возможностей для доминирующей/правящей партии «Единая Россия». Наконец, после массовых протестов 2011 — 2012 годов, связанных с фальсификациями на выборах началось наступление на права граждан «по всему фронту».

5. Законодательные ограничения прав и свобод человека

В течение всего периода президентства Владимира Путина последовательно принимались законодательные ограничения конституционных прав и свобод человека.

В 2004 году был принят Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»¹, в который вносились изменения. Практически закон изменят заявительный принцип организации массовых мероприятий на разрешительный. Возможными стали только одиночные пикеты, также жестко регулирующиеся (50 метров расстояния между пикетирующими запрет на проведения пикетов у органов власти, судов). На практике часты были задержания и с одиночных пикетов.

В 2012 году в закон были внесены изменения, ужесточающие ответственность за «незаконные акции», увеличивающие штрафы и меру ответственности, вводящие заявительный, а не уведомительных характер акций. Это прямо противоречит Ст. 31 действующей Конституции, дающей гражданам право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование.

Ограничения достигли пика после начала специальной военной операции в Украине. Сюда нужно добавить т.к. «ковидные» запреты, мотивированные опасностью заражения.

Совет по правам человека при Президенте указывал, что часты немотивированные отказы в проведении мероприятий².

1 <https://docs.cntd.ru/document/901900534>

2 http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/doklad_soveta_o_voprosakh_soblyudeniya_konstitutsionnykh_prav_grazhdan_pri_provedenii_publichnykh_me/

В 2012 году в закон была внесена поправка, позволяющая органам власти отводить специальные места для проведения публичных мероприятий³ (т.н. Гайд-парки), которая фактически сводила на нет права Ст. 31. Региональные и местные органы власти отводили для митингов парки и места, отдаленные от центра города, гражданам дозволялось митинговать «для себя», не беспокоя органы власти и не привлекая прессу.

Граждане отреагировали на это участившимися несанкционированными протестами — против коррупции, начиная с 2017 года, сериями протестов в защиту Алексея Навального после его ареста, протестами по результатам выборов в 2020 в Москве и 2021 году (в Государственную Думу), региональными протестами в Хабаровске в защиту арестованного губернатора Сергея Фургала, в Шиесепротив свалки, в Башкортостане в защиту природного памятника, в Екатеринбурге в защиту сквера и т.д.⁴ Власти реагировали по-разному, более — жестко — в Москве и Санкт-Петербурге — массовыми задержаниями, составлениями протоколов и судами и менее жестко — регионах. Так, в январе 2021 года на несанкционированной акции в поддержку Алексея Навального было задержано около 2 000 человек⁵, по решениям судов они понесли административную ответственность в виде штрафов (от 10 000 до 300 000 в случае повторного нарушения и арестов (до 15 суток) или исправительных работ. В случае трехкратного нарушения штраф увеличивался до 1 000 000 рублей и заключения до 5 лет лишения свободы в соответствии с поправками, внесенными в закон в 2021 году⁶.

Десятками тысяч, начиная с 2010-ых годов, исчисляется число судебных решений по административным делам, связанным с задержаниями на протестных акциях. При этом судьи не рассматривают ни показания свидетелей, ни видеозаписи. Дела просто штампуются под копирку и начиная с периода пандемии имеют совершенно абсурдный характер.

В 2012 году был принят т.н. «закон об иностранных агентах»⁷: НКО, выполняющие политические функции и получающие финансирование из иностранных источников, обязаны регистрироваться Министерством юстиции как «иностранцы агенты». Это противоречит не только духу, но и букве Конституции, Ст. 30 гласит: «Каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется».

3 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48103/73f9f932acd4bf46359959801b4a363640b35928/

4 Гражданские протесты. Межстрановой анализ. Под ред. Г.М. Михалевой. М.: Издательские решения. 2020, с. 42 -52; 59- 71.

5 <https://www.forbes.ru/obshchestvo/419311-kto-ne-ponyal-poydet-v-avtozak-kak-v-moskve-proshel-samyu-massovyuy>

6 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/c77bf52af28dfd8f9de192b9faf0999c023256d2/

7 СЗРФ2012, Nr. 23, Поз. 4172.

В этом же году была расширена статья о «государственной измене»¹, которая не ограничивается сейчас шпионажем, но, как и все «резиновые статьи» может касаться любого контакта с иностранцами.

Был ужесточен и закон об интернете и интернет-технологиях, практически введена цензура интернета², запрещены призывы к террористической деятельности, оправдание терроризму, другие экстремистские материалы, порнография, культ насилия и жестокость и материалы, содержащие обценную лексику³.

В 2017 году был принят закон, позволяющий объявлять СМИ иностранными агентами⁴.

Особого внимания заслуживают поправки в Закон о борьбе с экстремистской деятельностью⁵, принятый еще в 2002 году, в который последние поправки были внесены в июне 2021 года⁶. Закон, активно применяется к представителям оппозиции. Статья 1ч. 1 закона в первоначальной редакции (2002) определяет «экстремизм», перечисляя 9 составов преступления.

Нормативное ядро этого перечисления — цитаты запретов, содержащихся в Ст. 13 ч. 5 Конституции Российской Федерации, которые служат защите высших ценностей, провозглашенных главой 1 Конституции, а именно — запреты создания и деятельности общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Формулировки опираются на «Конвенцию по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом»⁷, подписанную Россией, Китаем, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном в 2001 году.

Между Шанхайской конвенцией и законом о противодействии экстремизму есть два концептуальных отличия. Во-первых, конвенция, в отличие от закона, сильно ограничивает сферу действия экстремизма и, во-вторых, связывает его исключительно с применением насилия. На это настоятельно указывает Венецианская комиссия Совета Европы в экспертизе Закона

1 СЗРФ 2012, Nr. 47, Поз. . 6401.

2 Luchterhandt, Otto: Missachtung der Verfassung. Eine Zwischenbilanz der Ära Putin, in: Osteuropa 70. Jg., 2020, Heft 6, S. 29-52 (47-51).

3 СЗРФ 2016, Nr. 26, Поз. 3877.

4 СЗРФ 2019, Nr. 18, Поз.. 2214

5 Федеральный закон от 4 июня 2021 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статью 4 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»

6 См. об этом подробнее: Люхтерхандт О. Борьба с экстремизмом в России — критическая оценка некоторых актуальных правовых аспектов. Взглядсостороны // Неприкосновенныйзапас. 2022.

7 The Shanghai Convention on combating terrorism, separatism and extremism, <https://eurasiangroup.org/files/documents/conventions_eng/The_20Shanghai_20Convention.pdf>.

о противодействии экстремизму от июня 2012, заказанной службой мониторинга Парламентского собрания Совета Европы⁸.

Определение экстремистской деятельности Ст. 1 п. 1 закона «О противодействии экстремистской деятельности» было в 2006 году расширено еще на шесть позиций, определяющих экстремизм как деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо редакций средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на⁹:

- воспрепятствование законной деятельности органов государственной власти, избирательных комиссий, законной деятельности должностных лиц указанных органов;
- публичную клевету в отношении лица, замещающего государственную должность;
- применение насилия в отношении представителя государственной власти либо на угрозу его применения насилия в отношении представителя государственной власти или его близких;
- посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля;
- нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда здоровью и имуществу граждан в связи с их убеждениями, расовой или национальной принадлежностью, вероисповеданием, социальной принадлежностью или социальным происхождением;
- создание и (или) распространение печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных материалов (произведений), предназначенных для публичного использования и содержащих хотя бы один из признаков, предусмотренных настоящей статьей.

Располагающая к злоупотреблениям размытость и неопределенность многих «экстремистских деяний» за двадцатилетнее существование закона о противодействии экстремизму, несмотря на очевидные ожидания, не привела к его массовому применению. Это показывает анализ двух списков — «Федерального перечня экстремистских материалов»¹⁰ и «Федерального перечня запрещенных экстремистских объединений»¹¹. С момента вступления закона в силу примерно 80 объединений были запрещены соответствующими региональными органами власти. Самые известные запреты: праворадикального движения «Русское национальное

8 European Commission for Democracy through Law (Venice Commission): Opinion on the Federal law on combating extremist activity of the Russian Federation; Opinion No. 660/2011 Cdl-ad (2012)016, Original English (Straßburg, 20. Juni 2012), para. 28;36. Факт особенно примечателен, ведь российский законодатель оторвался от ограничения «Шанхайской конвенции».

9 Федеральный закон 27.7.2006: СЗРФ, 2006, No. 31, ст. 3447.

10 <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7821/>.

11 Список экстремистских организаций, публикуемый Министерством юстиции <wikipedia.org>.

единство»¹, Национал -Большевистской партии (председатель — умерший в 2020 г. Эдуард Лимонов) и близкого к РНЕ «Славянского союза».

Большинство запретов были направлены против маленьких, связанных с религиозными идеями или общин последователей харизматических основателей религий с одним существенным исключением — Свидетелей Иеговы. 20 апреля 2017 г. Верховный суд России запретил 400 зарегистрированных в 2016 году групп организации с 171 000 членами как экстремистскую и распустил ее².

Центр тяжести борьбы с экстремизмом государственные чиновники сначала определили не как запрет общественных объединений и политических партий, но как запрет «экстремистских материалов» — обычных печатных текстов, картинок или электронных носителей и форм распространения.

Различия видны уже по количеству: число запрещенных материалов велико. Оно возросло с 14 в 2007 до конца апреля 2021 до примерно 5200.³ Что касается их содержания — существенно преобладают радикальные фундаменталистские исламские тексты. За ними следуют определенно антисемитские, расистские, шовинистические великорусские, в меньшей степени — также сепаратистские материалы, которые свидетельствуют о враждебности по отношению к определенным национальным или этническим группам (меньшинствам).

Структурная особенность понятия «экстремизм» то, что он, хотя и противоправно, но объединяет различные виды активности, существенно облегчает его расширенное применение — к деятельности, которая не является специальным составом преступления, но понятие экстремизм ее покрывает. Это в особенности позволяет понятие «преступления экстремистской направленности». Вследствие этого понятие экстремизма постепенно отделилось от государственно-правовых и уголовно-правовых норм, которые лежат в его основе, и само стало в тенденции самостоятельным составом преступления. Это развитие с самого начала поощрял законодатель, вместе с принятием закона о противодействии экстремизму, включив понятие «экстремизм» в дюжину других законов с целью, «повсеместно» вставить новый репрессивный институт правовой защиты в государственный порядок России⁴: в гражданское право, в законы о средствах массовой информации, об общественных объединениях, о благотворительных фондах, о прокуратуре, об оружии, о пограничной службе, о свободе совести, опрофсоюзах и религиозных объединени-

1 Список No. 31. За этим последовали запреты региональных частей движения. ОРНЕ: (2000), <wikipedia.org>.

2 РИА Новости: Верховный суд запретил деятельность «Свидетелей Иеговы» в России. Ria.ru 20.4.2017. Victoria Arnold: Russia: Jehovah's Witnesses banned property confiscated. Forum 18.org, 20.4.2017.

3 <https://lidrekon.ru/materials>.

4 Федеральный закон от 25.7.2002 о внесении изменений и дополнений в законодательство Российской Федерации в связи с принятием Закона о противодействии экстремистской деятельности, СЗРФ 2002, No. 30, Ст. 3029.

ях, о политических партиях, о препятствии отмыванию денег, в Уголовно-процессуальный кодекс и Кодекс административных правонарушений. Тенденция, рассматривать экстремизм как отдельный состав правонарушения фактически была завершена в новелле уголовного законодательства 24 июля 2007 г.⁵

Венецианская комиссия Совета Европы в 2012 г. в своей оценке Закона о противодействии экстремизму ясно показала, что закон несовместим с принципами правового государства: «С точки зрения комиссии Закон о противодействии экстремизму из-за широкой и неточной формулировки, особенно там, где речь идет об основных понятиях закона таких, как определение «экстремизма», «экстремистской деятельности», «экстремистских организациях» или «экстремистских материалах» слишком многое отдает на усмотрение, что ведет к произволу (пара. 74)⁶... Закон о противодействии экстремизму часто используется против организаций и личностей, критикующих режим, зачастую ущемляет права и свободы граждан... практикуется чрезмерное давление на организации гражданского общества, средства массовой информации и индивидов, что оказывает негативное действие на свободную и действенную реализацию прав человека и основных свобод»⁷.

Судебный департамент Верховного Суда проанализировал в 2018 г. статистику приговоров на основе шести экстремистских составов преступления с 2011 г. по 2017 г.⁸ Статистика показывает, что число приговоров по этим подлинно политическим уголовным делам в абсолютных цифрах невелико по сравнению с обычными преступлениями (имущественными преступлениями — кражами, убийствами, телесными повреждениями и т.д.). Но картина существенно изменяется, если учитывать описанные *административные* преследования и механизмы подавления «экстремистской деятельности» и то, что все эти меры вместе имеют запугивающий характер и влияют на небольшую критичную по отношению к режиму оппозицию в стране.

Дополнения 28 декабря 2018 года в состав преступления по разжиганию ненависти и вражды и унижению человеческого достоинства (Ст. 282 УК) как сформулированное так же в качестве административного правонарушения (Ст. 20^{3,1}.КоАП) не является актом подлинной декриминализации, но, расширяет, как показывает статистика, перечень санкций за счет денежных штрафов и ограничений свободы.

Всего весной в Перечне общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых было принято решение суда на ос-

5 Ст. 4 закона от 24.7.2007 об изменениях в законодательные акты РФ в связи с совершенствованием государственного управления противодействию экстремизму, СЗРФ. 2007, No. 31, Ст. 4008.

6 European Commission for Democracy through Law (Venice Commission) Opinion on the Federal law on combating extremist activity of the Russian Federation; Opinion No. 660 / 2011 Cdl-ad (2012)016, Original English (Straßburg, 20.6.2012).

7 Там же.

8 Статистику опубликовала газета «Коммерсант» 19.4.2018. <<http://kommersant.ru/doc/3607022>>.

новании закона об экстремистской деятельности 90 организаций¹, включая перечень нескольких десятков групп Свидетелей Иеговы под № 62. Среди них (судя по названиями) 46 националистических организаций — русских, украинских, татарских, башкирских и т.п. националистов, 29 религиозных организаций, включая мусульманские, 6 организаций футбольных фанатов, «Мужское государство», организации РНЕ и одно правозащитное движение, Фонд борьбы с коррупцией и штабы Алексея Навального.

6. Зависимая судебная система

Сильное государство не позволило судебной системе в России стать носителем независимой судебной власти, сделало судей разновидностью чиновничества. Примеров зависимости судей от исполнительной власти, их полной беспомощности перед политическим давлением можно во множестве найти в сообщениях СМИ и Интернета.

Как пишет на основании собственного опыта федеральный судья в отставке Сергей Пашин, суд остался объектом государственного управления, осуществляемого через председателей судов², которые распределяют дела между судьями, могут инициировать преследования и проверки и влияют на карьерный рост. Судьям, опасаящимся отмены приговоров, дают понять, какое решение ожидается.

Это видно и на примере самых громких процессов: с отсутствующей, абсурдной или просто фальсифицированной доказательной базой, начиная от двух дел ЮКОСа, когда Михаил Ходорковский и его партнеры по бизнесу по факту были два раза обвинены в краже нефти у самих себя, дел Алексея Улюкаева, бывшего министра развития РФ и других высших чиновников, дел Алексея Навального — как первого, по фирме ИвРошер, так и — последующих, вт.ч. обвинение в «хищении» пожертвованных на деятельность ФБК денег. Примером могут служить и карельские дела «Петропита» и, особенно — петрозаводского «мемориальца» Юрия Дмитриева, обвиненного в «сексуальных действиях» по отношению к несовершеннолетней дочери. Очень часто суды становятся инструментом расправы федеральных, региональных и местных властей с неугодными.

Неудивительно в этих условиях, что российское правосудие сохраняет обвинительный уклон. На сайте Следственного комитета сообщается, что в 2021 году суды получили 73 тыс. уголовных дел с участием 82 тыс. обвиняемых, а общее число оправдательных приговоров в России по уго-

1 <https://minjust.gov.ru/documents/7822/Lfnf> дата обращения: 12.04.2022.

2 Пашин С.А. Отечествонный суд и государство /Государство. Общество. Управление. Там же, с. 302-303.

ловным делам — менее 1%³. Доля оправданных от общего числа подсудимых — 0,27%. Присяжные заседатели при этом оправдывают 32% обвиняемых⁴.

Внедрение суда присяжных идет с большим трудом, закон был принят в 1993 году. До 2009 года суд присяжных мог рассматривать дела по 47 составам преступлений⁵.

В 2008—2013 годах произошло сокращение перечня составов преступлений, которые правомочны рассматривать присяжные⁶:

- С 2008 года из компетенции судов присяжных были изъяты дела о терроризме, вооружённом мятеже с целью захвата власти, диверсии, массовых беспорядках, что было стремлением власти получить по данным составам преступлений угодные ей приговоры.
- С 2013 года в связи с введением апелляции в уголовный процесс из ведения присяжных были изъяты дела о взяточничестве, преступлениях против правосудия, транспортные преступления, половые преступления. Эти дела были переданы в ведение районных (городских судов), где коллегий присяжных не было.

Поправки 2013 года привели к тому, что количество дел, рассматриваемых коллегией присяжных, резко сократилось. По данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации по состоянию на 31 декабря 2013 года находились 833 дела, рассматриваемые с участием присяжных, тогда как на 31 декабря 2014 года таких дел было 492 (то есть за год количество дел сократилось на 41 %)⁷. Верховный суд Российской Федерации предложил ликвидировать в России суд присяжных, заменив его коллегией, состоящей из судьи и судебных заседателей. Это делало полномочия присяжных даже меньшими, чем у советских народных заседателей. В советской судебной системе в случае, если оба народных заседателя голосовали за оправдательный приговор, а профессиональный судья за обвинительный, то суд был обязан вынести оправдательный приговор. В 2016 году был принят закон, который с 1 июня 2018 года ввёл в России новые принципы рассмотрения уголовных дел присяжными:

- Коллегия присяжных была сокращена до восьми человек в областных (и приравненных к ним) судах.
- Коллегии присяжных создаются в районных (городских) судах, но численность их составит шесть человек.

3 <https://rusbankrot.ru/society/v-2021-godu-v-rossii-vynesli-menee-1-opravdatelnykh-prigovorov/#:~:text=%D0%9A%D0%B0%D0%BA%20%D1%81%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B0%D0%B5%D1%82%D1%81%D1%8F%20%D0%BD%D0%B0%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%B5%20%D0%A1%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE,%D0%BE%D0%B1%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D1%8F%D0%B5%D0%BC%D1%8B%D1%85.>

4 <https://pravo.ru/story/239027/>

5 Насонов А. И. О реформировании суда с участием присяжных заседателей // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4, с. 246.

6 Там же.

7 <http://www.zashita-zk.org/stats/1444897212.html>

- Право на суд присяжных получили лица, обвиняемые по части 1 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации и по части 4 статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Подготовка к началу реализации закона шла медленно. В 2017 году Председатель Верховного суда Российской Федерации Вячеслав Лебедев заявил, что в большинстве регионах России даже не началась подготовка к введению судов присяжных¹. Всего с участием присяжных с вынесением приговора в первом полугодии 2021 г. было рассмотрено 480 уголовных дел (для сравнения: в первом полугодии 2020 г. — 226). По сравнению с прошлым годом можно констатировать более чем двукратное увеличение количества рассмотренных дел².

Назначение и переназначение председателей судов всецело зависит от администрации президента, а застойные явления в судебной системе консервируются путем сохранения на высоких постах лиц, сохранивших верность режиму³. Так, например председатель Мосгорсуда Ольга Егорова находилась на своем посту с 2000 до 2020 года⁴.

Еще один российский феномен — сращивание судов с правоохранительными органами. По словам председателя Мосгорсуда, «если в суд представлен только составленный протокол, то мы верим документу. Когда слово милиционера против слова водителя, мы верим милиционеру... Мы говорим: знаешь что, милый, если ты не виноват, то приходи... Доказывай»⁵. Еще в 2009 году (тогда) уполномоченный по правам человека В.П. Лукин выступил с заявлением о том, что есть конституционные принципы правосудия, которые не затронули «менталитета значительных сегментов судейского корпуса»⁶.

Практика применения пыток при проведении следствия, унаследованная от сталинской политики массовых репрессий, и в системе исполнения наказаний кардинально противоречит принципу правового государства. При этом пытки могут иметь форму как прямого физического воздействия (например, приковывание к батарее, изнасилование палкой от швабры⁷), так психологического и состоять в угрозах привлечения к уголовно-

1 https://web.archive.org/web/20180509013708/https://www.znak.com/2017-10-27/kak_sverdlovskaya_oblast_gotovitsya_k_vvodu_prisyazhnykh_v_rayonnyh_sudah

2 <https://www.advgazeta.ru/mneniya/sud-prisyazhnykh-v-rossii-tendentsii-ukhodyashchego-goda/#:~:text=%D0%92%D1%81%D0%B5%D0%B3%D0%BE%20%D1%81%20%D1%83%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B5%D0%BC%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%8F%D0%B6%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D1%81,%D0%B4%D0%B2%D1%83%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D1%83%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%B5%20%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%20%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BC%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%B4%D0%B5%D0%BB>

3 Пашин С. А. Там же, с. 303.

4 <https://rg.ru/2020/09/13/reg-cfo/predsedatel-mosgorsuda-olga-egorova-uhodit-v-otstavku.html>

5 Куликов В. Свобода по расчету // Российская газета 2009. 26 августа.

6 Заявление Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Российская газета. 2009. 21 октября.

7

му делу и заключения под стражу. Технология домогательства признаний включает, в том числе⁸: неспровоцированно жесткий захват жертвы, надевание на голову целлофанового пакета, удержание ногами на полу автомобиля скованного, демонстрация оружия, получение под угрозами чистосердечных признаний» с последующим допросом в качестве свидетеля, опрос в качестве подозреваемого с фиксацией при участии понятных, фабрикация документов о сопротивлении, помещение в невыносимые условия в СИЗО, отказ в медицинской помощи и т.д.

Широкий резонанс получили случаи пыток в системе ФСИН. В октябре 2021 года правозащитная организация Gulagu.net получила 40 Гб видео и фото с пытками в российских колониях и изоляторах. Как следует из них, осужденных регулярно избивали и насильовали в пенитенциарных учреждениях в десятках регионов. В результате громкого скандала ушел в отставку руководитель ФСИН России Александр Калашников⁹.

Следователи, умеющие создать из обвиняемых, даже не знакомых друг с другом в организованную преступную группу, срежиссировать показания, со времени Большого террора называются «романистами» и высоко ценятся в правоохранительных органах. Один из самых ярких примеров этой практики — дело «Нового величия» — уголовное дело о создании в декабре 2017 года подростками и молодыми людьми организации, члены которой признаны виновными в организации экстремистского сообщества и якобы планировании захватить власть в России путём государственного переворота¹⁰. По мнению правозащитников, журналистов и самих подсудимых организация была создана в результате провокации российских спецслужб¹¹, однако российский суд счёл этот тезис недоказанным. Фигуранты уголовного дела были приговорены к срокам от 4 до 6 лет лишения свободы в колонии общего режима.

Число таких случаев возросло в разы со времени начала спецоперации в Украине в феврале 2022 г., когда дела стали возбуждаться и дела рассматриваться на основании желто-голубых цветов в одежде, «лозунгов» без единой буквы (звездочки на плакате) или «Миру — мир», а также — записей и их перепостов в соцсетях.

Растет число лиц, признанных политическими заключенными. Если в 2020 году их было 362, то в августе 2021 года уже 420¹². Это тогда было сравнимо с их числом в позднем СССР, но очевидно, что их число существенно возросло. Суммарных данных за 2021 год нет, потому что уже некому этим заниматься.

8 Пашин. Там же, с. 309.

9 <https://www.dw.com/ru/pytki-v-sizo-i-kolonijah-v-rossii-kak-sistema-otstaiвает-svoih/a-60577106>

10 Максим Литаврин. «Новое величие»: как полицейский провокатор внедрился в кружок по интересам. Теперь участников кружка пытаются и обвиняют в попытке переворота. meduza.io (18 июля 2018)

11 Юлия Полухина. Восставшие из чата: Агент ФСБ сам создал в Телеграме подпольную организацию, сам её разоблачил и сам всех посадил. Новая газета. 26 апреля 2018.

12 <https://memohrc.org/ru/pzk-list>

Те некоммерческие организации и отдельные правозащитники, которые помогали гражданам в случаях незаконного задержания, предоставляли адвокатов для ведения судебных процессов, в том числе — в Страсбурге, вели учет политических заключенных признаются иностранными агентами, экстремистскими организациями и запрещаются в России («Мемориал», ОВД-Инфо, «За права человека», Лев Пономарев, Галина Арапова и др.). 2021 таких организаций было 76, физических лиц — 84¹.

В эту же категорию попали СМИ, специализировавшиеся на расследованиях, анализе работы судов, нарушениях прав человека. В 2021 году это был список из 43 средств массовой информации². После начала военной спецоперации закрылись влиятельнейшие в этой области телеканал «Дождь», «Эхо Москвы» с миллионно аудиторией и «Новая газета», основатель которой Дмитрий Муратов получил в 2021 году Нобелевскую премию мира.

В феврале 2022 года была принята Ст. 20.3.3. Административного кодекса, была внесена С. 280.3 в Уголовный кодекс — «публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации», штрафы увеличились от минимальной планки в 30 000 руб. до 1 000 000 руб. и лишения свободы до 5 лет³. Публичные мероприятия против военных действий, в поддержку мира стали практически невозможны. Тем не менее, в ходе ряда несанкционированных протестов было задержано и привлечено к ответственности 13,5 тысяч россиян в разных регионах⁴.

Антрополог Александра Архипова подсчитала в начале апреля 2022 года число и основания преследований по статье 20.3.3. КоАП⁵ (См. Таблицу 2 Приложения.) Она отмечает, что людей, выступающих против войны на митингах и пикетах, массово задерживают И по старым митинговым статьям (типа 20.2, их больше 10000 задержанных за март), кроме того, мы еще тут не говорим про уголовные статьи. В базе — 511 дел, и 397 — с подробностями (информация была обновлена в 00.50 ночи по Мск 11 апреля. Новая статья 20.3.3. о «дискредитации...» — главный инструмент подавления антивоенного протеста. Она позволила правоохранителям выйти за пределы митинга и наказать не только за пикет/митинг (как старая статья 20.2), а за что угодно: там и посты в соцсетях, и устные высказывания, и крест в память о погибших в Буче, и книга «Война и мир». Лидерами репрессий по линии «дискредитации вооруженных сил РФ» являются Калининград, Томск и Краснодар.

Право окончательно уступило место политической целесообразности.

1 <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/01/29/625989-bivshie-inostrannie-agenti-ne-mogut-virvatsya-iz-reestra-minyusta>

2 Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента// Министерство юстиции Российской Федерации, 14 мая 2021

3 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

4 <https://ovd.news/news/2022/02/24/akcii-v-podderzhku-naroda-ukrainy-i-protiv-voyny>

5 Архипова А. Что у людоеда в меню? // <https://www.facebook.com/alexandra.arkhipova.50>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предметом данной работы является рассмотрение особенностей исторического развития России в свете концепции Макса Вебера о происхождении капитализма. Представляя капитализм как продукт западной цивилизации, данная концепция ставит вопрос о перспективах его «трансфера» в различные регионы незападного мира.

Мы делаем вывод о том, что, несмотря на ряд обстоятельств, сближающих Россию с Западом (география, частично религия и культура) в российской традиции исключительно сильны цивилизационные факторы, отторгающие трансфер капитализма как системы, основанной на веберовской триаде *рациональность – легальность – автономия*.

Историческими причинами этого была языковая и религиозная изоляция России от Запада, продолжающаяся в течение нескольких сотен лет и сопровождавшаяся конфронтацией с ним. Во время этой изоляции Россия выработала традиции, отторгаю-

шие все элементы вышеупомянутой триады. Принцип верховенства права отторгается культом *правды*, низводящим право до положения обслуживающего властью инструмента, полное отсутствие в обществе автономий обрекает его на абсолютную бессубъектность; отсутствие рациональной культуры обеспечивает доминирование ортодоксального типа личности.

Данная «контртриада» – бесправие – бессубъектность – ортодоксия – несколько раз в российской истории блокировала развитие по западному образцу, препятствуя трансферу современного капитализма. Тем самым осуществлялся типичный цикл самовоспроизводства восточного социума, исключающий прогрессивное развитие.

В рамках российской традиции накоплен богатый инструментарий сохранения и приумножения власти правящим меньшинством. Данный инструментарий был использован как российскими царями — для укрепления и расширения империи, так и большевиками — для проведения утопического эксперимента. В настоящее время данное наследие российской цивилизации используется для сохранения и укрепления экстрактивных институтов, при помощи которых паразитическая элита поддерживает свою власть и получает доходы за счет всех остальных членов общества.

Российская элита не в состоянии осуществить полноценный трансфер капитализма (модернизацию), поскольку он связан с ограничением ее власти и более справедливым (т. е. не в ее пользу) распределением доходов. Отказ от власти может вообще лишить ее доходов. Поэтому она так крепко вцепилась в «традиционные ценности». Эксплуатация этих ценностей облегчается в России тем, что они парализуют волю подданных к сопротивлению, так как обрекают общество на бессубъектность, покорность и властозависимость.

Сохранению власти и доходов содействует такая структура российской традиции как верховенство правды над правом. В результате ее доминирования любая, даже самая абсурдная и наспех состряпанная «правда», созвучная национальным психологическим комплексам (сегодня — это комплекс национальной неполноценности), заведомо сильнее институтов правовой защиты общества.

Поскольку право в такой системе не является главным регулятором общественных отношений, постольку оно неспособно поддерживать в обществе зоны автономии — независимые от государства корпорации, подобные тем, из которых родилась европейская свобода.

В ситуации, когда сила власти гарантирована слабостью общества, прогрессивная трансформация социума невозможна. Сторонники такой трансформации, приверженные принципу общего блага заведомо не могут быть интегрированы во власть и обречены на тщетный поиск поддержки маломощного общества. Такой социум обречен на «вечное возвращение одного и того же» господства паразитической элиты над бессильным обществом.

Поскольку данная модель не может обеспечить развитие и конкурентоспособность, она ведет к деградации и в конечном счете к гибели государства. В современной России данная перспектива отодвигается в силу наличия огромных сырьевых ресурсов, позволяющих компенсировать дефицит развития, и обладание ядерным оружием, сдерживающим внешние угрозы даже в условиях экономической деградации. Только очень сильные вызовы и потрясения способны разорвать порочный круг самовоспроизводства токсичной традиции, препятствующей выходу России на траекторию стабильного развития в рамках мировой капиталистической цивилизации. При этом надо осознавать, что эти вызовы и угрозы могут в конечном счете разрушить страну. Перед будущими лидерами российского государства стоит невероятно сложная задача: сохранить Россию, не впадая в соблазн в очередной раз использовать ее цивилизационного наследия с целью обеспечения своего господства.

В то же время, как показывают события последнего времени, само существование подобной законсервированной традиции представляет реальную угрозу планетарного масштаба.

ПРИЛОЖЕНИЯ

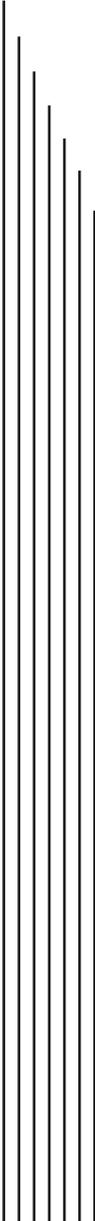

Таблица 1. Сравнение цивилизаций

	ЗАПАД	РОССИЯ	ДРУГИЕ
освоение античного наследия	имеет место	отсутствует	частично (исламская)
верховенство	права	«правды»	религии (исламская, индийская), традиционной морали (китайская)
отношение к власти	ограничение	культ	культ
зоны автономии	присутствуют	отсутствуют	частично присутствуют
право	автономное	подчиненное	подчиненное
место права в системе ценностей	высокое	низкое	Высокое (исламская)
права и свободы личности	гарантируются	подавляются	подавляются частично
права собственности	едины для всех	соблюдаются избирательно	ограничены
доминирующий тип личности и мышления	рациональный критический избегающий крайностей	религиозный догматический комплекс превосходства/неполноценности	традиционный
тип государства	демократия	самодержавие	авторитарный
роль государства в экономике	регулирование рынка, арбитраж	монопольный диктат	сильное вмешательство
доминирующие институты	инклюзивные	эксклюзивные	смешение типов
религиозные конфессии	независимы от государства	подчинены государству	частично независимы
целеполагание цивилизации	прогресс	само-воспроизводство	само-воспроизводство

Таблица 2. Преследования по Ст. 20.3.3. КоАП «Дискредитация вооруженных сил РФ»

За что преследуют по статье 20.3.3 КоАП «дискредитация вооруженных сил РФ»	количество
Демонстрация украинского флага	1
Издевательство над статьей 20.3.3	1
Коммеморация (кресты в память погибших в Буче, Мариуполе)	1
Протест необычным артефактом (книгой «Война и мир», наклейкой «Мираторг»)	2
Декламация антивоенной поэзии (Горький, Некрасов)	2
Личное публичное обращение к власти	3
Нулевое высказывание (пикет с пустым листом бумаги)	3
Подпись под открытым письмом\обращением	4
Оскорбление\разрушение знака Z (плевок или разрывание Z)	5
Антивоенное сообщение в мессенджере	5
Антивоенное сообщение на окне\балконе	5
Антивоенный арт-перформанс	6
Контр-послание (встраивание в ценники в магазине антивоенного послания)	6
Скандирование антивоенных лозунгов	7
Антивоенные надписи\объекты на автомобиле	11
Раздача антивоенных листовок прохожим	14
Устное антивоенное высказывание («Слава Украине», «Нет войне»)	15
Надписи\объекты на одежде и сумках (ленточки, значки «Нет войне»)	22
Надписи в публичном пространстве (граффити, стикеры)	31
Сетевое антивоенное высказывание (пост\репост\коммент)	107
Антивоенный плакат (на митинге или пикете)	145

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Митрохин Сергей Сергеевич
Михалёва Галина Михайловна

Отставшая цивилизация Как и почему Россия не стала правовым государством

Редактор: *Г.М. Михалёва*
Макет и производство: *Д.Р. Сысоев*

Печать цифровая. Бумага офсетная.
Гарнитура медиевальная типа «антиква ренессанс».
Формат 70×100/16. Объем 6,5 физ.печ.л. / 6 авт.л. Тираж 100.
Подписано в печать 15.05.2022.

По заказу Г.М. Михалёвой

12+

Отпечатано в типографии